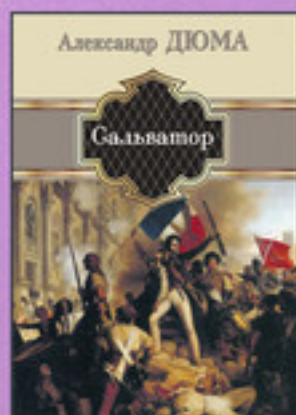

Александр Дюма

Сальватор. Книга I

*Часть сборника
Сальватор*

Александр Дюма
Сальватор. Книга I

Издательство «РИМИС»

1863

Дюма А.

Сальватор. Книга I / А. Дюма — Издательство «РИМИС», 1863

Внимание читателя, возможно, уже знакомого с героями и событиями романа «Могикане Парижа», предлагается продолжение – роман «Сальватор». В этой книге Дюма ярко и мастерски, в жанре «физиологического очерка», рисует портрет политической жизни Франции 1827 года. Король бессилён и равнодушен. Министры цепляются за власть. Полиция повсюду засылает своих провокаторов, затевает уголовные процессы против политических противников режима. Все эти события происходили на глазах Дюма в 1827—1830 годах. Впоследствии в своих «Мемуарах» он писал: «Я видел тех, которые совершали революцию 1830 года, и они видели меня в своих рядах... Люди, совершившие революцию 1830 года, олицетворяли собой пылкую юность героического пролетариата; они не только разжигали пожар, но и тушили пламя своей кровью».

© Дюма А., 1863

© Издательство «РИМИС», 1863

Содержание

Книга I	8
Глава I	9
Глава II	13
Глава III	17
Глава IV	23
Глава V	28
Глава VI	32
Глава VII	38
Глава VIII	45
Глава IX	49
Глава X	53
Глава XI	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Александр Дюма Сальватор. Книга I

А. Дюма

Автор фотографического портрета А. Дюма – Феликс Надар, знаменитый французский фотограф, карикатурист, романист и воздухоплаватель.

Книга I

Глава I

Скачки с препятствиями

Ранним утром 27 марта городок Кель, если, конечно, Кель можно назвать городком, был разбужен грохотом колес двух почтовых карет, которые спускались по его единственной улочке с такой скоростью, что у всех, видевших это, появилось опасение, что при въезде на наплавной мост, соединяющий немецкий берег с французским, малейшее отклонение в сторону приведет к тому, что лошади, кареты, ямщики и путешественники рухнут в реку, образующую восточную границу Франции и имеющую поэтическое название, с которым связано так много романтических легенд.

Однако обе почтовые кареты, которые до этого как бы соревновались в скорости, проехав две трети улицы, стали замедлять ход и наконец остановились перед воротами трактира, над которыми, поскрипывая на ветру, висела жестяная вывеска с изображением человека в треуголке и ботфортах, в голубом мундире с красными отворотами и огромным плюмажем. Чуть ниже шпор этого человека можно было прочесть три слова: «У Фридриха Великого».

Трактирщик и его жена, примчавшиеся к воротам едва послышался грохот колес и потерявшие уже было из-за скорости движения карет всякую надежду заполучить постояльцев, увидели с неизъяснимым удовлетворением, что кареты остановились напротив их заведения, и устремились к экипажам: трактирщик бросился к дверцам первой кареты, а его жена – к дверцам второй.

Из первой кареты выскочил мужчина лет пятидесяти, одетый в застегнутый на все пуговицы голубой редингот и черные брюки. На голове красовалась широкополая шляпа. У него были колючие усики, твердый взгляд, постриженные ежиком волосы, густые, красиво изогнутые, черные, как и глаза, брови. Виски и усы были уже слегка тронуты сединой. Он кутался в огромную шубу.

Из второй кареты с величавым достоинством вылез рослый молодец, насколько об этом можно было догадываться по его телу, одетому в польскую куртку с золотыми шнурами и укутанному с головы до ног в венгерское меховое манто с вышивкой. Такую одежду называют там шубой.

Глядя на столь богатое одеяние, ту непринужденность, с которой она носилась, на достоинство, написанное на лице того, кто носил это одеяние, можно было поспорить, что путешественник был валахским господарем, прибывшим из Ясс или из Бухареста, или по крайней мере богатым мадьяром из Пешта, направлявшимся во Францию для ратификации какого-нибудь дипломатического документа. Но поспоривший тут же понял бы, что проиграл, рассмотрев этого благородного путешественника более тщательно. Ибо, несмотря на густые обрамлявшие лицо бакенбарды, несмотря на огромные закрученные кверху усы, которые незнакомец покусывал с ярко выраженной беззаботностью, пристрастный наблюдатель быстро смог бы узнать под этой аристократической внешностью первейшие признаки простоты и вульгарности, которые моментально опустили бы незнакомца с приписанного ему вначале ранга принца или аристократа до уровня интенданта богатого господина или третьеразрядного офицера.

Действительно, читатель уже без труда узнал в пассажире первой кареты господина Сарранти и не сомневаемся в том, что богатое одеяние не скрыло личности мэтра Жибасье, вылезшего из второй кареты.

Мы помним, что господин Жакаль, уезжая с Карманьолем в Вену, велел Жибасье ждать господина Сарранти в Келе. Жибасье проболтался на почтовом постоялом дворе четыре дня, а на пятый день примчавшийся фельдьегерем Карманьолю сообщил ему по поручению Жакаля, что господин Сарранти должен прибыть утром двадцать шестого, и ему, Жибасье, следует

отбыть в Штайнбах, где его будет ожидать у гостиницы под названием «Солнце» почтовая карета, в которой он найдет все необходимое для переодевания и исполнения полученных инструкций.

Инструкции эти были довольно простыми; но, несмотря на свою простоту, выполнить их оказалось не так легко: Жибасье надлежало всю дорогу следовать, как тень, за каретой господина Сарранти, а по приезде в Париж не выпускать его из поля зрения. И все это надо было сделать так, чтобы у господина Сарранти не возникло ни малейшего подозрения, что за ним следят.

Господин Жакаль рассчитывал, что в этом Жибасье помогут известная способность последнего менять одежду и облик.

Жибасье немедленно выехал в Штайнбах, разыскал гостиницу и карету, а в карете – целый ворох одежды, из которого он выбрал самый теплый наряд: тот, что мы описали, когда он вновь предстал нашему взору.

Но, к огромному своему удивлению, ни днем, ни вечером двадцать шестого он не увидел путешественника, который соответствовал бы данному ему описанию.

Наконец, часа в два ночи, он услышал щелканье кнута и звон бубенцов. Жибасье приказал заложить свою карету. И пока кучер запрягал лошадь, он смог убедиться, что в создавшем шум экипаже приехал именно господин Сарранти. Убедившись, что тот от него не ускользнет, Жибасье приказал ямщику не спеша трогать.

Через десять минут господин Сарранти, выпив бульон, пока меняли лошадей, выехал в том же направлении, вслед за тем, кому было поручено следовать за ним.

Случилось так, как и предвидел Жибасье. В двух лье от Штайнбаха карета господина Сарранти догнала карету Жибасье. Но поскольку почтовые правила не разрешали второму путешественнику обгонять первого без его согласия, ибо в таком случае обогнавший мог забрать единственных свежих лошадей на ближайшей почтовой станции, обе кареты некоторое время ехали друг за другом, и ямщик кареты господина Сарранти не осмеливался обгонять карету Жибасье. Наконец, сгоравший от нетерпения Сарранти попросил у Жибасье разрешения обогнать его. Разрешение было дано с такой любезностью, что господин Сарранти вылез из кареты специально для того, чтобы лично поблагодарить венгерского дворянина. После взаимных уверений в добром расположении и поклонов господин Сарранти уселся в свою карету и, окрыленный полученным разрешением, помчался со скоростью ветра.

Жибасье последовал за ним, приказав кучеру ехать с такой же скоростью, что и карета господина Сарранти.

Кучер послушно выполнил приказание, и, как мы видели, обе кареты галопом примчались в городок Кель и остановились перед воротами трактира «У Фридриха Великого».

Любезно раскланявшись, но не обменявшись ни словом, путешественники вошли в помещение трактира, прошли в столовую, сели за разные столики и потребовали подать завтрак. Господин Сарранти сделал это на великолепном французском, а Жибасье с очень сильным немецким акцентом.

Продолжая молчать, Жибасье брезгливо отведал все блюда, которые ему подали, заплатил по счету и, увидев, что господин Сарранти поднялся, медленно встал и направился к своей карете.

И кареты вновь начали бешеную гонку. Впереди мчалась карета господина Сарранти, но карета Жибасье отставала от нее не более, чем на двадцать метров.

Ямщик господина Сарранти, у двоюродного брата которого только что родился первый ребенок, решил, что очень неразумно покидать праздничный ужин ради того, чтобы скакать одиннадцать лье (туда и обратно) до следующей почтовой станции. Будучи предупрежден своим приятелем о желании пассажира ехать быстро и о хорошей плате за услугу, он пустил коней в карьер, намереваясь сэкономить часа полтора на двух прогонах и вернуться как раз к

началу танцев. Вечером, при подъезде к Нанси, на спуске лошади, ямщик и карета неожиданно перевернулись с такой колоссальной силой, что при виде этого зрелища из груди чувствительного Жибасье вырвался крик боли и он выскочил из своей кареты, чтобы прийти на помощь господину Сарранти.

Жибасье действовал так только для успокоения совести, ибо был уверен, что в результате такого падения пассажиру скорее потребуется утешение священника, нежели помощь спутника.

К огромному своему удивлению, он увидел, что господин Сарранти остался цел и даже невредим. Да и ямщик отделался только вывихом руки и ушибом ноги. Но, если Провидение, оказавшись доброй матерью, спасло людей, оно не пощадило бедных животных: одна лошадь умерла на месте, у другой была сломана нога. Одна ось кареты была сломана, а та сторона, на которую пришелся удар при падении, была похожа на стиральную доску.

Поэтому и речи не могло быть о том, чтобы продолжать путь.

Господин Сарранти изрыгнул несколько ругательств, которые показали, что он не отличается ангельским терпением. Ему пришлось бы, скрепя сердце, смириться с судьбой, если бы мадьяр Жибасье на полунемецком, полуфранцузском наречии, что, по правде говоря, не напоминало ни один, ни другой языки, не предложил бы своему несчастному спутнику продолжить путешествие в его карете.

Предложение было очень своевременным и, казалось, шло от чистого сердца. Поэтому господин Сарранти принял его не раздумывая.

Багаж из опрокинувшейся кареты был перенесен в карету Жибасье, ямщику пообещали прислать помощь из видневшегося всего в одном лье Нанси, и карета продолжила путь все с той же бешеной скоростью.

После обмена любезностями Жибасье, не уверенный в своем немецком и опасавшийся, что господин Сарранти, хоть он и корсиканец, прекрасно знает этот язык, так вот Жибасье стал тщательно избегать всяких расспросов и на все проявления любезности своего спутника ограничивался ответами да или нет, произнося эти междометия с акцентом, более или менее напоминающим французский язык.

По прибытии в Нанси путешественники остановились в гостинице «Великий Станислав». Она же была постоялым двором.

Господин Сарранти, выйдя из кареты, снова поблагодарил спутника-венгра и хотел было уйти.

– Вы неправы, мсье, – сказал ему Жибасье. – Я вижу, что вы торопитесь в Париж. Но вашу карету вряд ли починят до завтрашнего дня. Таким образом, вы потеряете целый день.

– Это меня тем более расстроило, – произнес Сарранти, – ибо подобное происшествие со мной уже случилось при выезде из Ратисбонна. И я уже потерял сутки.

Только теперь Жибасье понял причину столь обеспокоившего его опоздания господина Сарранти в Штайнбах.

– Но, – продолжал господин Сарранти, – я не стану ждать, пока починят мою карету. Я лучше найму новую.

И он велел станционному смотрителю найти для него любое средство передвижения: карету, коляску, ландо, пусть даже кабриолет, на котором он смог бы немедленно тронуться в путь.

Жибасье подумал, что, как бы скоро ни была найдена повозка, но, пока его спутник будет осматривать ее, торговаться и перегружать свои вещи, у него есть время перекусить. Последний раз он ел в восемь утра в Келе. И, хотя его желудок мог в случае крайней необходимости соперничать в неприхотливости с желудком верблюда, осторожный Жибасье, предвидя такую возможность, никогда не упускал случая заправиться.

Господин Сарранти вне сомнения счел нужным предпринять те же меры предосторожности, что и этот достойный венгр. Поэтому оба путешественника, сев, как и утром, каждый за свой стол, позвонили, вызывая официанта, и тоном, выразившим похвальное единодушие взглядов, произнесли только два слова:

– Официант, ужинать!

Глава II

Гостиница «Великий турок», площадь Сент-Андре-Дез-Арк

Тем, кто удивится тому, что человек, так спешивший, как господин Сарранти, отказался от любезного предложения Жибасье, скажем, что если и есть на свете кто-нибудь хитрее самого хитрого полицейского, это тот человек, за кем следит полицейский.

Сами понимаете: лиса и гончая.

А значит, у господина Сарранти зародились кое-какие, неясные пока, подозрения относительно этого так плохо говорящего по-французски венгра, который, однако, довольно складно отвечал на все, что слышал на французском, и в то же самое время, когда к нему обращались по-немецки, по-польски или же по-валахски (а господин Сарранти великолепно знал эти три языка), отвечал невпопад по-немецки да или же нет, кутался в свою шубу и делал вид, что дремлет.

Этих подозрений хватило для того, чтобы, чувствуя себя не в своей тарелке, пока они вместе ехали полтора лье от места поломки кареты до постоянного двора, где решили отужинать, господин Сарранти был полон решимости любыми путями отделаться от своего любезного, но уж слишком молчаливого спутника.

Вот почему, не желая ждать, пока починят карету, он приказал найти ему любую повозку и отказался садиться в карету благородного венгра.

Жибасье сам был слишком хитер, чтобы не заметить этой перемены в поведении господина Сарранти. И поэтому, продолжая ужинать, он велел заложить лошадей, объяснив, что ему необходимо быть на следующий день в Париже, где его с нетерпением ожидает австрийский посол.

Когда доложили, что лошади готовы, Жибасье, попрощавшись царственным жестом с Сарранти, напялил на голову свой меховой колпак и вышел на улицу.

Поскольку господин Сарранти очень торопился, он вполне мог поехать по прямой дороге. По крайней мере до Линьи. Там он, без сомнения, объедет слева Бар-сюр-Дюк и проследует по дороге на Ансервиль до Сен-Дизье и Витри-ле-Франсе.

А вот маршрут его после Витри-ле-Франсе был неясен. Поедет ли оттуда господин Сарранти в объезд через Шалон или же захочет проследовать по прямой через Фер-Шампе-нуаз, Куломьер, Креси и Ланьи?

Это можно было выяснить только в Витри-ле-Франсе.

Поэтому Жибасье велел ямщику ехать через Туль, Линьи и Сен-Дизье. Но в полулье от Витри он завел разговор с незадачливым кучером, в результате которого его карета оказалась лежащей на боку с поломанной передней осью.

В таком плачевном, но очень заметном положении она пролежала около получаса. Потом на вершине холма появилась почтовая карета господина Сарранти.

Подъехав к опрокинутой карете, господин Сарранти высунул голову из окна и увидел на дороге своего мадьяра, безуспешно пытавшегося с помощью ямщика поставить карету на колеса.

Со стороны господина Сарранти было бы очень невежливым оставить Жибасье в таком затруднительном положении, коль скоро тот предложил господину Сарранти в аналогичной ситуации помощь и место в своей карете.

Поэтому господин Сарранти, в свою очередь, предложил сесть к нему в карету. Жибасье скромно принял это предложение, сказав, что в Витри-ле-Франсе он избавит господина де Борни (господин Сарранти путешествовал под этой фамилией) от своего назойливого присутствия.

Кучер погрузил в карету господина де Борни огромный чемодан мадьяра, и спустя двадцать минут карета въехала в Витри-ле-Франсе.

Путешественники остановились на постоялом дворе.

Господин де Борни велел подать лошадей, а Жибасье попросил найти ему какую-нибудь коляску, чтобы незамедлительно продолжить свой путь.

Станционный смотритель показал ему старый кабриолет, который сразу же устроил Жибасье.

Господин де Борни, успокоившись относительно судьбы своего спутника, попрощался с ним и велел ямщику, как и предполагал Жибасье, ехать по дороге на Фер-Шампенуаз.

Жибасье закончил торговаться со станционным смотрителем и велел ямщику следовать той же дорогой, по которой только что укатила другая карета. Он пообещал ямщику пять франков, если тот нагонит ее.

Ямщик пустил коней в галоп, но, прибыв на следующую почтовую станцию, Жибасье так и не увидел карету господина Сарранти.

Станционный смотритель и находившийся там ямщик ответили, что ни одна карета здесь не проезжала.

Все было ясно: Сарранти принял меры предосторожности. Сказав, что поедет на Фер-Шампенуаз, он свернул на дорогу в Шалон.

Жибасье потерял след.

Нельзя было медлить ни минуты. Он должен был прибыть в Мо раньше Сарранти.

Жибасье оставил на станции свой кабриолет, достал из чемодана синюю с золотом одежду министерского фельдъегеря, надел лосины, мягкие сапожки, прицепил на спину сумку для почты, отклеил бороду и усы и потребовал верховую почтовую лошадь.

Лошадь была оседлана в мгновение ока. Жибасье вскочил в седло и помчался по дороге на Сезан, рассчитывая прибыть в Мо через Ферте-Гошер и Куломье.

Без остановки он проскакал тридцать лье и прибыл к городским воротам Мо.

Там он узнал, что ни одна карета не соответствовала его описанию и в город не въезжала.

Жибасье спешился, велел подать ужин на кухню и стал ждать.

Лошадь он оставил запряженной.

Спустя час к почтовой станции подкатила карета, которую он с таким нетерпением ждал.

Стояла темная ночь.

Господин Сарранти велел подать ему бульон в карету, наскоро перекусив, он приказал ямщику ехать в Париж через Клей. Этого Жибасье было достаточно.

Выйдя через черный ход, он вскочил на коня, проехал по узенькой улочке и оказался на парижском тракте.

Спустя десять минут показались фонари почтовой кареты, в которой ехал господин Сарранти.

Жибасье именно это и было нужно: он мог наблюдать за каретой, оставаясь невидимым. Теперь надлежало сделать так, чтобы его и не было слышно.

Он ехал по обочине, сохраняя километровое расстояние между своей лошадью и следовавшей за ним каретой.

Так они прибыли в Бонди.

А там чудесным образом фельдъегерь превратился в ямщика и с помощью пяти франков уговорил ямщика, чья очередь была выезжать, уступить ему свое место. Что и было сделано с благодарностью.

На почтовую станцию прибыл господин Сарранти.

До Парижа было довольно близко, и он не хотел задерживаться. Высунувшись из окошка кареты, он потребовал поменять лошадей.

– Сейчас дадим вам лошадей, хозяин, и самых лучших! – сказал ему Жибасье.

Он держал под уздцы двух великолепных белых першеронов, которые ржали и били копытами.

– Ну, не балуй, волчья сыть! – крикнул Жибасье, заводя жеребцов в упряжку с ловкостью профессионального ямщика.

Затем, когда лошади были запряжены, лжеямщик, сняв шляпу, приблизился к дверце кареты и спросил:

– А куда вас доставить в Париже, хозяин?

– Площадь Сент-Андре-дез-Арк, гостиница «Великий турок», – сказал господин Сарранти.

– Ладно, – произнес Жибасье, – считайте, что вы уже там.

– И когда же это случится? – спросил господин Сарранти.

– О! – буркнул Жибасье, – через час с четвертью примерно.

– Погоняйте скорее! Я прибавлю вам десять франков, если мы будем на месте через час.

– Через час мы там будем, хозяин.

Жибасье вскочил на козлы и пустил лошадей с места в карьер.

На сей раз он был уверен, что Сарранти от него не скроется.

Вскоре они подъехали к городской заставе. Таможенники быстро произвели досмотр, которым они устаивают обычно людей, путешествующих на перекладных, произнесли свое сакраментальное «*проезжайте!*», и господин Сарранти, выехавший семь лет назад из Парижа через заставу у Фонтенбло, вернулся во французскую столицу через заставу Птит-Вийет.

А уже через четверть часа карета галопом въехала во двор гостиницы «Великий турок» на площади Сент-Андре-дез-Арк.

В гостинице оказалось лишь два свободных номера, расположенных один напротив другого на одной лестничной клетке: № 6 и № 11.

Коридорный гостиницы повел господина Сарранти в номер шестой.

Когда он спустился вниз, Жибасье окликнул его:

– Эй, приятель!

– Что тебе нужно, ямщик? – презрительно отозвался коридорный.

– Ямщик, ямщик! – повторил Жибасье. – Ну и что из того, что я – ямщик? Это что – позорная профессия?

– Вроде бы нет. Но я назвал вас ямщиком только потому, что вы работаете ямщиком.

– Ну тогда ладно!

И Жибасье, ворча, направился было к лошадям.

– А что, собственно, вам от меня было нужно? – спросил вдогонку коридорный.

– Мне? Ничего...

– Но ведь вы только что сказали...

– Что?

– Эй, приятель!

– А! Ну да... Тут дело такое: господин Пуарье...

– Какой господин Пуарье?

– Ну, господин Пуарье, как же!

– Не знаю я никакого господина Пуарье.

– Господин Пуарье, владелец фермы в наших краях, неужели не знаете? У господина Пуарье стадо в четыре сотни голов! И вы не знаете господина Пуарье?!.

– Я же вам уже сказал, что не знаю.

– Тем хуже для вас! Так вот, он приедет сюда в одиннадцатичасовой карете из Пиат-д'Этен. Вы, надеюсь, знаете расписание прибытия кареты из Пиат-д'Этен?

– Нет.

– А что вы тогда вообще знаете? Чему научили вас ваши отец и мать, если вы не знаете ни господина Пуарье, ни кареты из Пиат-д'Этен?.. Да, надо признать, это недосмотр со стороны ваших родителей.

– Ну так что же вы хотите сказать по поводу господина Пуарье?

– А! Так вот, я хотел было передать вам сотню су от господина Пуарье... Но, поскольку вы с ним не знакомы...

– Но мы ведь можем и познакомиться.

– Ну, если вы его не знаете...

– Ладно, но почему это он решил вручить мне сто су? Ведь не за мои же прекрасные глаза!

– О, конечно же, нет, тем более что вы косоваты, дружок!

– Это не важно! Но зачем же это господин Пуарье поручил вам передать мне сто су?

– Затем, чтобы вы оставили ему комнату в гостинице. У него какие-то дела в предместье Сен-Жермен, вот он и сказал мне: «Шарпильон!..» Это наша фамилия, она перешла ко мне по наследству от отца, а ему от деда...

– Очень приятно, господин Шарпильон, – ответил коридорный.

– Так вот, он мне сказал: «Шарпильон, отдай сто су девице из «Великого турка», что на площади Сент-Андре-дез-Арк, и пусть она придержит для меня комнату». Так где же девица?

– Искать ее не имеет смысла. Я точно так же могу оставить для него номер.

– Ну нет! Вы ведь его не знаете...

– А мне и не надо его знать для того, чтобы оставить ему комнату.

– Точно! А вы далеко не так глупы, как кажетесь на первый взгляд!

– Спасибо!

– Вот ваши сто су. Вы, надеюсь, узнаете его, когда он приедет?

– Господина Пуарье?

– Да.

– Особенно, если он назовет себя?

– Конечно же, назовет! У него нет причин скрывать свое имя.

– Тогда его проводят в комнату номер одиннадцать.

– Когда увидите добродушного толстяка в кашне, закрывающем половину лица, и в плаще из коричневого кастора, можете смело говорить: «Это господин Пуарье». А теперь, спокойной вам ночи! Хорошенько натопите номер одиннадцать, потому что господин Пуарье плохо переносит холод... Ах, да, вот еще что... Полагаю, что он будет доволен, если найдет в комнате хороший ужин.

– Хорошо! – сказал коридорный.

– Ах, чуть было не забыл!.. – произнес лже-Шарпильон.

– Что еще?

– Да главного-то я вам не сказал! Он пьет только бордо.

– Хорошо! У него на столе будет стоять бутылка бордо.

– Ну, тогда больше и желать нечего. Кроме разве того, что такие глаза, как у тебя, позволяют смотреть в сторону Бонди, чтобы увидеть, не горит ли Шарантон.

И, громко захохотав, довольный своей шуткой, мнимый ямщик покинул гостиницу «Великий турок».

А спустя четверть часа перед дверями гостиницы остановился кабриолет. Из него вылез мужчина, полностью отвечающий описанию, данному Шарпильоном. Когда его признали за долгожданного господина Пуарье, он разрешил коридорному с почестями проводить себя в одиннадцатый номер. Там его ждал прекрасный ужин, а на некотором удалении от ярко пылавшего камина стояла и доходила до нужной температуры бутылка бордо, которое так ценят истинные гурманы.

Глава III

Предают только свои

Пять минут спустя господин Пуарье, обследовав все углы и закоулки, уже чувствовал себя в комнате под номером одиннадцать так, словно прожил в ней всю свою жизнь.

Господин Пуарье был очень общителен, что позволяло ему быстро сходить с людьми и привыкать к месту проживания. И все же он заявил коридорному, что не нуждается в прислуживании, предпочитает обедать в покое и одиночестве, не любит, когда в его стакан подливают вино, хотя он еще не выпит до дна, а тарелку убирают из-под носа, хотя она еще достаточно полна.

Оставшись один и дождавшись, пока на лестнице стихнут шаги удаляющегося коридорного, мнимый Пуарье или, если хотите, подлинный Жибасье, приоткрыл входную дверь.

Именно в этот момент начала открываться дверь номера господина Сарранти.

Жибасье, оставив свою дверь едва приоткрытой, прильнул ухом к косяку.

Господин Сарранти давал горничной, которая пришла готовить ему постель, указания, из которых следовало, что он вернется в номер через часок-другой.

– Ах-ах! – сказал себе Жибасье. – Похоже, что, несмотря на столь поздний час, мой сосед собирается прогуляться. Посмотрим, куда это он направится.

Погасив обе горевшие на столе свечи, Жибасье открыл окно до того, как господин Сарранти вышел на улицу.

Секунду спустя он увидел, как тот перешагнул порог гостиницы и пошел по улице Сент-Андре-дез-Арк.

– Уверен, что он вернется, – решил Жибасье. – Ведь он не знал, что я услышу его распоряжения. Однако не будем лениться! Работу надо выполнять на совесть. А посему следует узнать, куда же он идет.

Быстро спустившись на улицу, он проследовал за Сарранти по улице Бюсси, через Сен-Жерменский рынок, площадь Сен-Сюльпис и улицу По-де-Фер, где увидел, как объект наблюдения вошел в один из домов, даже не посмотрев на номер.

Жибасье был более любопытен и посмотрел: это был дом № 28.

Пройдя до конца улицы, Жибасье спрятался в нише дворца Косе-Бриссак и стал ждать.

Ожидание было недолгим: господин Сарранти очень скоро вновь появился на улице.

Но теперь, вместо того, чтобы пойти назад по улице По-де-Фер, он направился вперед, пройдя мимо Жибасье, повернувшегося к стене из стыдливости и осторожности. Потом господин Сарранти свернул на улицу Вожирар, прошел по ней до театра «Одеон», миновал вход для артистов, затем пересек площадь Сен-Ашель и, свернув на улицу Почты, подошел к какому-то дому. На сей раз он взглянул на его номер.

Этот дом читателям прекрасно знаком. А те, кто его не узнали, сейчас вспомнят, стоит нам лишь только намекнуть. Он стоит в Виноградном тупике, смотрит окнами на улицу Говорящего колодца и представляет собой нечто похожее на волшебный стакан, в котором, подобно мускатным орехам, исчезли карбонарии, столь безуспешно разыскиваемые в доме господином Жакалем, и столь чудесным образом найденные им после головокружительного спуска Жибасье.

Бывший каторжник побледнел, увидев эту знаменитую улицу, а на ней сам колодец, в котором он провел в тоске много часов. По телу его пробежали мурашки, на лбу выступили капельки холодного пота. Впервые после отъезда из Отель-Дье в Кель его охватило неприятное чувство.

Улица была безлюдной. Господин Сарранти, подойдя к дому, остановился, несомненно ожидая прихода еще четверых собратьев, без которых он не мог войти. Как мы помним, в этот дом впускали только по пять человек, ни больше ни меньше.

Вскоре на улице появились трое мужчин, закутавшихся в плащи. Они направились прямо к господину Сарранти. Обменявшись условными знаками, они стали ждать пятого.

Жибасье огляделся, желая убедиться, что пятого пока нет. Никого не увидев и ничего не услышав, он решил, что настала пора показать свое мастерство.

Зная от господина Жакаля о тайнах этого дома, знакомый с масонскими знаками всех тайных лож, он направился прямо к группе ожидавших и подал условный знак: трижды вывернул ладонь наружу.

Тогда один из четверых вставил в замок ключ и все пятеро вошли в дом.

Внутри дома все отремонтировали и покрасили. Следы прохождения Карманьоля сквозь стену и падение «Слоеного пирога» сквозь решетку были ликвидированы.

На сей раз предложение спуститься в катакомбы не поступило. Четверо не знакомых между собой предводителя были собраны здесь для того, чтобы выслушать доклад господина Сарранти.

Тот объявил им, что не пройдет и трех дней, как герцог Рейштадский прибудет в Сен-Лье-Таверну и будет скрываться там до того момента, когда настанет пора поднять знамя, за которым пойдут люди.

Поскольку члены братства использовали любую возможность для того, чтобы сбить со следа полицию, было решено, что, когда похоронные дроги герцога де Ларошфуко прибудут на следующий день, все члены масонских лож и вент карбонариев соберутся либо в церкви Вознесения, либо на прилегающих к ней улицах. Там они получают последние указания Верховной венты.

Но при любых ситуациях до прибытия кортежа с герцогом Рейштадским будет работать постоянно действующий комитет.

После этого они расстались. Шел второй час ночи.

Жибасье опасался только одного: неожиданно встретиться у дверей с тем членом масонской ложи, вместо которого он вошел в дом. Но, к счастью, того на улице не было. Он, несомненно, приходил, но, не найдя и бесполезно прождав четырех собратьев, решил, видно, что собрание перенесено, и убрался восвояси.

Господин Сарранти расстался с четырьмя своими спутниками у дверей, и Жибасье, несколько не сомневаясь в том, что тот возвратится в гостиницу «Великий турок», исчез за первым же поворотом. А потом со всех ног бросился бежать в гостиницу. Опередив Сарранти минут на десять, он уселся за стол и принялся за еду с аппетитом путешественника, только что проскакавшего без остановок тридцать пять – сорок лье, и с удовлетворением человека, добросовестно выполнившего свой долг.

И вскоре наградой ему стали звуки шагов поднимавшегося по лестнице господина Сарранти, чью поступь Жибасье уже смог бы различить из тысячи других.

Дверь комнаты номер шесть открылась и снова закрылась.

Затем до Жибасье долетел звук дважды повернутого в замке ключа. Это был верный признак того, что господин Сарранти не намерен более никуда выходить. По крайней мере до завтрашнего утра.

– Спокойной ночи, соседка! – прошептал Жибасье.

А затем вызвал коридорного.

Тот немедленно примчался на вызов.

– Завтра утром... а скорее уже сегодня, в семь часов пришлите ко мне рассыльного, – сказал ему, потягиваясь, Жибасье. – Ему надо будет доставить в город срочнейшее послание.

– Не желаете ли, мсье, отдать это письмо мне сейчас? – спросил коридорный. – Тогда вас не поднимут с постели в столь ранний час.

– Во-первых, – сказал Жибасье, – мое письмо не простая фитюлька. А во-вторых, – добавил он, – я нисколько не обижусь, если меня разбудят рано.

Коридорный покорно поклонился и убрал со стола остатки ужина. Жибасье велел слуге оставить ему великолепного холодного цыпленка и недопитую бутылку бордо, сказав при этом, что он, подобно Людовику XIV, не любил спать, не имея под рукой чего-нибудь *на всякий случай*.

Коридорный поставил на полку камина нетронутого цыпленка и начатую бутылку вина. А потом вышел, пообещав прислать рассыльного ровно в семь часов утра.

Когда коридорный ушел, Жибасье запер дверь на ключ, открыл секретер, зная заранее, что найдет там перо, чернила и бумагу, и принялся описывать для господина Жакаля свои дорожные впечатления от Кёля до Парижа.

Написав письмо, он лег спать.

В семь часов утра в его дверь постучал рассыльный.

Жибасье, уже одетый и готовый к боевым действиям, открыл дверь и крикнул:

– Войдите!

Рассыльный вошел.

Жибасье бросил на него испытывающий взгляд, и раньше, чем этот человек открыл рот, узнал в нем чистокровного уроженца Оверни. Следовательно, он мог вполне довериться ему и вручить свое послание.

Вручив рассыльному двенадцать су вместо десяти, Жибасье объяснил ему, как добраться до дворца на Иерусалимской улице, предупредив, что человек, которому следовало передать письмо, должен был возвратиться из далекого путешествия сегодня утром или же в течение этого дня.

Он предупредил его также о том, что если нужный человек вернулся, следовало вручить ему письмо от имени господина Баньереса из Тулона. Если же того человека не окажется на месте, письмо следовало передать его секретарю.

Получив все нужные сведения, овернец ушел.

Прошел час. Дверь господина Сарранти по-прежнему оставалась закрытой. Было слышно, как он ходил взад-вперед по комнате, передвигая зачем-то мебель.

Чтобы как-то убить время, Жибасье решил позавтракать.

Вызвав звонком коридорного, он велел ему накрыть на стол, подать цыпленка и остатки бордо и исчезнуть.

Только он успел воткнуть вилку в ножку цыпленка и поднести к крылышку нож, как закрипели петли двери соседа.

– Черт подери! – буркнул он, вставая из-за стола. – Мы, похоже, отправляемся на раннюю прогулку.

Бросив взгляд на настенные часы, он увидел, что они показывали четверть девятого.

– Хм! Н-да! – пробормотал он. – Не столь уж она и ранняя.

Господин Сарранти начал спускаться по лестнице.

Как и накануне вечером, Жибасье устремился к окну. Но на сей раз открывать его не стал, а только слегка раздвинул занавески. Но ждал он напрасно: господин Сарранти на площади так и не появился.

– Ах-ах! – сказал себе Жибасье. – Что же это он там внизу делает? Уж не расплывается ли? Ведь не мог же он выйти так быстро, пока я подходил к окну... Если только, – подумал он, – ему не пришлось в голову пройти вдоль стены. Но и в этом случае он не должен был уйти далеко.

И Жибасье, быстро открыв окно, свесился, чтобы осмотреть всю площадь.

Но не увидел никого, кто бы походил на господина Сарранти.

Он подождал минуты три-четыре и, не понимая, почему господин Сарранти все еще не вышел на улицу, собрался уже было спуститься вниз и порасспросить о нем прислугу. Но в этот самый момент увидел, что открылась входная дверь и господин Сарранти, перешагнув порог, снова направился, как накануне вечером, в сторону улицы Сент-Андре-дез-Арк.

– Догадываюсь, куда ты пойдешь, – прошептал Жибасье. – Снова на улицу По-де-Фер. Ты вчера уже поцеловал закрытую дверь, сегодня ты вряд ли будешь счастливее. Я мог бы и не идти за тобой, но долг прежде всего.

Схватив шляпу и кашне, Жибасье спустился вниз, оставив цыпленка нетронутым и благодаря Провидение за то, что оно заставляло его совершить эту маленькую утреннюю прогулку, чтобы нагулять аппетит.

Но, к его огромному удивлению, на последней ступеньке его остановил человек, в котором по лицу и облику Жибасье признал младшего чина полиции.

– Ваши документы? – спросил мужчина.

– Документы? – удивленно переспросил Жибасье.

– Черт возьми! – повторил полицейский. – Вы же знаете, чтобы жить в меблированных комнатах, надо предъявлять документы!

– Правильно, – сказал Жибасье. – Но только я не думал, что для того, чтобы приехать из Бонди в Париж, нужен паспорт.

– Если у человека есть в Париже квартира или он останавливается у приятеля, то паспорт ему не нужен. Но если он живет в меблированных комнатах, он должен предъявить паспорт.

– Совершенно справедливо! – сказал Жибасье, зная по собственному опыту лучше, чем кто-либо, что для того, чтобы найти убежище, очень нужен паспорт. – Сейчас я вам покажу мои документы.

И стал рыться в карманах своего плаща из кастора.

Но карманы были пусты.

– Куда же это я подевал мои документы? – пробормотал он.

Полицейский сделал жест, который означал лишь одно: «Уж коли человек не может сразу же найти документы, значит, их просто нет».

И знаком приказал усилить бдительность стоящим у дверей двум мужчинам, одетым в черные плащи и держащим в руках толстые трости.

– Ах, черт подери! – произнес Жибасье. – Я вспомнил, куда я их дел, эти проклятые бумаги!

– А! Тем лучше! – сказал полицейский.

– Я оставил их в трактире на почтовой станции в Бонди, когда менял наряд нарочного на одежду ямщика.

– Что?! – переспросил полицейский.

– Ну да! – со смехом подтвердил Жибасье. – К счастью, мне документы эти совсем не нужны.

– Как это – не нужны?

– А просто так!

И шепнул полицейскому на ухо:

– Я свой!

– Свой?

– Да! И пропустите меня поскорее!

– Ах-ах! Вы, видно, торопитесь?

– Я должен кое за кем проследить, – сказал Жибасье и заговорщически подмигнул.

– Вы за кем-то следите?

– Я слежу за одним очень опасным заговорщиком.

– Правда? И кто же он?

– Черт вас возьми! Вы его видели: это тот человек, который только что вышел. На вид лет пятидесяти, усы с проседью, волосы ежиком, военная выправка. Вы его разве не видели?

– Видел!

– Так вот, – сказал со смехом Жибасье. – Вы должны были арестовать его, а вовсе не меня!

– Да, но поскольку у него документы были в полном порядке, я отпустил его. А поскольку у вас вообще нет никаких документов, я вас арестую.

– Как? Арестуете меня?!

– Конечно! А вы как думали, неужели мне что-нибудь помешает это сделать?

– Вы меня арестовываете?!

– А кого же еще!

– Меня, личного агента господина Жакаля?!!

– Докажите это!..

– Ладно! Доказать это мне будет совсем нетрудно.

– Тогда докажите немедленно!

– Да пока я буду это делать, – вскричал Жибасье, – человек, за которым я слежу, скроется!

– Понимаю. И вы бы тоже не прочь это сделать.

– Что? Скрыться? Да зачем же мне это нужно? Вы меня, очевидно, не знаете! Нет уж, я-то скрываться не стану. Я нахожу мое новое положение очень приятным...

– Ну, хватит болтать! – сказал полицейский.

– Как? Хватит болтать?..

– Да, хватит! Или вы следуете за мной, или...

– Или что?

– Или мы будем вынуждены прибегнуть к силе.

– Но ведь я вам уже сказал, – повторил, бледнея от злости, Жибасье, – что я являюсь личным агентом господина Жакаля.

Полицейский посмотрел на него с таким презрительным видом, словно хотел сказать: «Хлыщ ты болтливый!»

Потом пожал плечами и сделал знак полицейским в черных плащах прийти ему на помощь.

Те придвинулись с видом людей, привыкших к подобным упражнениям.

– Поостерегитесь, дружок! – сказал Жибасье.

– Я не считаю себя другом людей, у которых нет при себе документов, – ответил на это полицейский.

– Мсье Жакаль сурово накажет вас.

– Мне предписано доставлять в префектуру полиции путешественников, у которых нет паспортов. Поскольку у вас паспорта нет, я отведу вас в префектуру полиции. Все очень просто.

– Черт возьми! Я ведь вам сказал...

– Покажите-ка ваш *глаз*.

– Глаз? – произнес Жибасье. – Ну, для младших чинов полиции, как вы, иметь один глаз достаточно, но для меня...

– Да, вижу, что у вас оба глаза на месте. Это хорошо. Значит, вы сможете узнать тот путь, по которому мы будем следовать. Вперед!

– Смотрите, вы сами этого захотели!

– Полагаю, что сам.

– В дальнейшем не вините никого в том, что с вами произойдет.

– Идем, идем! И так уже заболтались. Вы пойдете сами, или мне придется прибегнуть к силе?

И полицейский вынул из кармана красивые наручники, так и напрашивавшиеся на запястья Жибасье.

– Хорошо! – произнес Жибасье, осознав, в каком нелепом положении он оказался, и понимая, что оно могло стать еще нелепее. – Я следую за вами.

– В таком случае я имею честь предложить вам мою руку, а эти два господина составят ваш эскорт, – сказал полицейский. – Хотя, честно говоря, мне думается, что вы попытаетесь скрыться за первым же поворотом.

– Я выполнил свой долг, – сказал Жибасье, подняв руку, как бы призывая небо в свидетели того, что он боролся до конца.

– Пошли! Давайте вашу руку, и без фокусов.

Жибасье знал, каким образом рука арестованного ложится на руку человека, производящего арест. И поэтому не стал себя упрашивать, а облегчил задачу полицейскому.

Тот сразу же обратил на это внимание.

– Ага! – сказал он, – с вами это случается не впервой!

Жибасье посмотрел на полицейского взглядом человека, который думает про себя: «Ладно! Смеется тот, кто смеется последним!» А вслух произнес решительным голосом:

– Пошли!

Жибасье и полицейский вышли из гостиницы «Великий турок», держа друг друга под руку, как два старых хороших приятеля.

За ними следом направились два переодетых полицейских, которые изо всех сил делали вид, что они не принадлежат к обществу монсеньора.

Глава IV

Триумф Жибасье

Итак, Жибасье отправился с полицейским, или скорее полицейский повел Жибасье на Иерусалимскую улицу.

Ввиду тех мер предосторожности, которые принял любитель проверять паспорта, бежать, понятно, было невозможно.

Добавим еще, что Жибасье, и это делает ему честь, мысль о побеге и в голову не пришла.

Больше того: ироническое выражение его физиономии, сострадательная улыбка, игравшая на его губах, взгляды, бросаемые им на полицейского, та беззаботность и высокомерный вид, с которым он позволял вести себя в префектуру полиции, говорили о том, что совесть его чиста. Одним словом, он, казалось, смирился со своей участью и шел скорее как горделивый мученик, чем сломанная судьбой жертва.

Время от времени полицейский искоса на него поглядывал.

Чем ближе они подходили к префектуре, тем светлее становилось лицо Жибасье. Поскольку он заранее представлял себе ту головомойку, которая обрушится по возвращении господина Жакаля на голову этого несчастного полицейского.

Эта уверенность в собственной правоте, обычно сияющая ореолом над головами невинных, начала пугать конвоира Жибасье. Во время первой четверти пути он был совершенно уверен в том, что поймал важную птицу. Когда они прошли половину пути, его начали терзать сомнения. А когда осталось пройти последнюю четверть, он был уже уверен в том, что сотворил глупость.

Ему начало казаться, что гнев господина Жакаля, которым грозил ему Жибасье, уже разразился над его головой.

В результате чего рука полицейского начала постепенно разжиматься, предоставляя руке Жибасье свободу действий.

Жибасье заметил предоставленную ему относительную свободу, но поскольку он знал причину расслабления мускулов своего спутника, сделал вид, что ничего не замечает.

Полицейский, надеявшийся на то, что пленник придет ему на помощь, очень обеспокоился тем, что по мере того, как он ослаблял хватку, рука Жибасье сжималась все крепче и крепче.

Получалось, что пленник не хотел его отпустить.

– Черт возьми! – подумал полицейский. – Не дал ли я маху?

Он остановился, чтобы взвесить свое положение, осмотрел Жибасье с головы до ног и увидел, что тот, в свою очередь, тоже меряет его насмешливым взглядом. Это еще более обеспокоило добросовестного служаку:

– Мсье, – произнес он, – вы ведь знаете строгость наших правил. Нам приказывают: «Арестовать!», и мы арестовываем. Поэтому иногда мы совершаем достойные сожаления ошибки. Честно говоря, чаще мы хватаем все-таки настоящих преступников, но бывают случаи, когда по ошибке арестовываем и честных людей.

– Вы так считаете? – с издевкой спросил Жибасье.

– Да, и иногда попадаютя очень честные люди, – повторил полицейский.

Жибасье посмотрел на него взглядом, говорившим: «И я этому живое доказательство».

Открытость этого взгляда окончательно добила полицейского, и он, перейдя на самый изысканно-вежливый тон, добавил:

– Боюсь, мсье, что я только что совершил одну из таких непростительных ошибок... Но ее еще можно исправить...

– Что вы хотите этим сказать? – презрительно спросил Жибасье.

– Я хочу сказать, мсье, что я, вероятно, арестовал честного человека.

– А мне кажется, черт побери, что вы боитесь! – заявил каторжник, сердито глядя на полицейского.

– Я поначалу принял вас за подозрительного типа, но теперь я вижу, что ошибся, что вы свой человек.

– Свой? – презрительно переспросил Жибасье.

– А поэтому, – униженно пробормотал полицейский, – как я уже сказал, эту небольшую ошибку еще можно исправить...

– Ну, нет, мсье, время уже ушло, – живо ответил на это Жибасье. – Из-за этой вашей ошибочки человек, за которым я слежу, скрылся... И кто же этот человек? Заговорщик, который через неделю, возможно, свергнет правительство...

– Если вы хотите, мсье, – ответил полицейский, – я мог бы помочь вам следить за ним. Не дьявол же он... Уж мы вдвоем...

Но Жибасье не имел ни малейшего намерения делить с кем бы то ни было славу ареста господина Сарранти.

– Нет, мсье, – сказал он, – пожалуйста, закончите то, что вы начали.

– Нет, не буду! – произнес полицейский.

– Нет, будете! – сказал Жибасье.

– Никогда! – снова произнес полицейский. – И в доказательство этого я уйду.

– Уходите?

– Да.

– Как это уходите?..

– Очень просто. Ногами. Приношу вам свои извинения и уйду.

И полицейский уже начал было поворачиваться на каблуках, но тут Жибасье, схватив его за руку, снова развернул к себе лицом:

– Ну уж нет! – сказал он. – Вы арестовали меня для того, чтобы проводить в префектуру полиции, и должны довести дело до конца!

– Никуда я вас не поведу.

– Ах, черт вас подери! Вы туда меня обязательно отведете! И расскажете там, как все произошло. Если я упущу порученного мне человека, господин Жакаль должен знать, почему это случилось.

– Нет, мсье, и еще раз нет!

– В таком случае я арестую вас и доставлю в префектуру полиции, ясно?

– Вы арестуете меня?

– Да, я.

– А по какому праву?

– По праву более сильного.

– А если я позову моих помощников?

– Если вы это сделаете, я призову на помощь прохожих. Вас народ не очень-то любит, господа легавые. Если я расскажу людям о том, что сначала вы меня арестовали без всякой на то причины, а теперь хотите отпустить, испугавшись наказания за злоупотребление властью... А ведь здесь и река неподалеку!..

Полицейский побледнел, как полотно. Вокруг них, действительно, уже начали собираться прохожие. По опыту своему полицейский знал, что в те времена люди не испытывали нежных чувств к полиции. Он посмотрел на Жибасье с мольбой во взгляде, но не смог расстрогать его.

Но Жибасье был хорошо знаком с правилами господина де Талейрана и не поддался первому порыву. Прежде всего ему надо было оправдаться перед господином Жакалем.

И поэтому он сжал, словно клещами, запястье полицейского и, превратившись из пленника в жандарма, потащил упиравшегося полицейского в префектуру.

Во дворе префектуры было необычно много народа.
Что там делала эта толпа людей?

В предыдущей главе мы уже говорили, что в воздухе появились как бы первые признаки восстания.

Толпа, собравшаяся во дворе префектуры полиции, состояла из людей, которым предстояло сыграть не последнюю роль в восстании.

Жибасье, с молодости привыкший входить во двор префектуры в наручниках, а покидать его в карете с решетками на окнах, почувствовал неизъяснимое наслаждение от того, что входил сейчас в этот двор не как пленник, а как стражник.

Появление Жибасье было похоже на триумфальное шествие. Он высоко держал голову и гордо раздувал ноздри, а его пленник следовал за ним подобно тому, как захваченный фрегат следует на буксире за многопушечным кораблем, идущим на всех парусах с развернутым вымпелом.

В почтенной толпе на некоторое время воцарилось недоумение. Все полагали, что Жибасье находится на каторге в Тулоне, а тут он появляется, словно начальник при исполнении служебных обязанностей.

Но Жибасье, увидев, что его приняли не за того, кем он является в настоящее время, принялся приветствовать всех направо и налево, кивая одним дружески, другим покровительственно. Эти приветствия только усилили гул толпы проходимцев, а некоторые из них ответили на его приветствия с теплотой, которая свидетельствовала о том, что они были счастливы снова увидеться с собратом по профессии.

В результате многочисленных рукопожатий и приветственных слов смущение бедного полицейского стало так велико, что Жибасье начал поглядывать на него с некоторой жалостью.

Затем Жибасье был представлен старейшине преступного мира, уважаемому всеми фальшивомонетчику, который, как и Жибасье, вернулся из мест не столь отдаленных благодаря заключенному с господином Жакалем соглашению. Выпустили его из Бреста, а посему они с Жибасье друг друга не знали. Но Жибасье в своих скитаниях на галерах по Средиземному морю так часто слышал об этом покрытом славой старике, что уже давно желал пожать его заслуженную руку.

Старейшина по-отцовски сказал Жибасье:

– Сын мой, я давно желал увидеться с вами. Я очень хорошо знал вашего почтенного отца...

– Моего отца? – произнес Жибасье, который родителя и в глаза не видел. «Этому молодцу повезло больше, чем мне», – подумал он.

– И я с огромной радостью, – продолжал старейшина, – вижу в вашем лице черты этого уважаемого человека. Если вам нужен добрый совет, вы можете обращаться ко мне, сын мой. Я всегда готов оказать вам услугу.

Вся шайка с завистью услышала, как их главарь оказал Жибасье столь великую честь.

Все окружили бывшего каторжника, и за пять минут господин Баньерес из Тулона получил в присутствии совершенно ошалевшего от подобного триумфа полицейского тысячу предложений оказать любую услугу и тысячу слов, выражавших расположение и дружбу.

Жибасье посмотрел на него с видом человека, который хочет сказать: «Ну, что? Я ведь вас не обманывал?»

Полицейский повесил нос.

– А теперь, – сказал ему Жибасье, – признайтесь честно: вы ведь сваяли дурака?

– Признаюсь, я – осёл, – ответил полицейский, готовый подтвердить любые слова Жибасье.

– Ну ладно, – промолвил Жибасье. – Коли вы это понимаете, мое самолюбие удовлетворено и я обещаю, что буду снисходителен к вам, когда вернется господин Жакаль.

– Когда вернется господин Жакаль? – переспросил полицейский.

– Да, когда господин Жакаль вернется, я ограничусь лишь тем, что представлю ему вашу ошибку, как простое рвение по службе. Видите, я человек отходчивый.

– Но господин Жакаль уже вернулся, – пробормотал полицейский, который опасался, что Жибасье передумает, и решил воспользоваться его хорошим настроением.

– Как! Господин Жакаль уже вернулся? – воскликнул Жибасье.

– Да. Это так.

– И когда же?

– Сегодня в шесть часов утра.

– И вы мне об этом не сказали! – загремел Жибасье.

– Но ведь вы меня об этом не спрашивали, ваше превосходительство, – униженно пробормотал полицейский.

– Вы правы, друг мой, – произнес, смягчившись, Жибасье.

– *Друг мой!* – прошептал полицейский. – Ты назвал меня своим другом, о великий человек! Что же я могу для тебя сделать? Приказывай!

– Да пойти со мной к господину Жакалю, черт возьми! И немедленно!

– Пошли! – решительно произнес полицейский, сделав метровый шаг, несмотря на то, что его рост позволял шагать только по два с половиной фута.

Жибасье попрощался со всеми взмахом руки, пересек двор, прошел под сводом, ведущим к двери, потом повернул налево к небольшой лестнице, по которой, как мы помним, входил и Сальватор, затем поднялся на третий этаж, прошел по темному коридору и подошел наконец к двери кабинета господина Жакаля.

Дежурный полицейский, признав не Жибасье, а его спутника, немедленно распахнул двери кабинета господина Жакаля.

– Да что с вами, болван? – послышался голос господина Жакаля. – Я ведь вам сказал, я не принимаю никого, кроме Жибасье!

– Я здесь, господин Жакаль! – громко сказал Жибасье.

А затем, повернувшись к полицейскому, произнес:

– Слышали, он не принимает никого, кроме меня?

Полицейский оперся о стену, чтобы не рухнуть на колени.

– Ладно, – сказал ему Жибасье. – Следуйте за мной. Я обещал вам быть снисходительным и сдержу свое обещание.

И вошел в кабинет господина Жакаля.

– Как, это вы, Жибасье? – сказал удивленный начальник. – Я назвал ваше имя на всякий случай...

– И оказали мне большую честь, господин Жакаль.

– Так вы что же, бросили того, за кем вам поручено было следить? – спросил господин Жакаль.

– Увы, мсье, – ответил Жибасье. – Это он меня покинул.

Господин Жакаль сурово насупил брови. Жибасье толкнул локтем полицейского, как бы говоря: «Видите, в какое положение вы меня поставили?» А вслух с виноватым выражением на лице произнес:

– Мсье, спросите вот у этого человека. Я не хочу усугублять его положение. Пусть он все расскажет сам.

Господин Жакаль поднял очки на лоб, чтобы увидеть, о ком идет речь.

– А, это ты, Фурришон, – сказал он. – Подойди поближе и расскажи нам, что ты натворил и почему мой приказ не был выполнен.

Фурришон лукавить не стал. Смирившись с судьбой, он, словно перед судом, рассказал только правду и ничего, кроме правды.

– Вы – просто осёл! – сказал полицейскому господин Жакаль.

– Именно так и сказал мне его светлость господин граф Баньерес де Тулон, – ответил полицейский с видом глубочайшего раскаяния.

Господин Жакаль, казалось, задумался, вспоминая, кто же этот умный человек, который сумел выразить раньше него точно такое же мнение о Фурришоне.

– Это я, – сказал, поклонившись, Жибасье.

– Ах так! Отлично, отлично, – произнес господин Жакаль. – Значит, вы сказали ему, что вы *свой*?

– Да, мсье, – ответил Жибасье. – Но должен вам признаться, что я пообещал этому бедолаге, видя его глубокое раскаяние в содеянном, что призову вас быть к нему снисходительным. Клянусь, что он согрешил только из-за чрезмерного рвения по службе.

– По просьбе нашего любимого и уважаемого Жибасье, – величественно произнес господин Жакаль, – я полностью прощаю вам ваш промах. Ступайте с миром и впредь будьте умнее!

Затем жестом руки показал несчастному полицейскому, что тот может быть свободным. Полицейский, пятясь, покинул кабинет.

– А теперь, дорогой мой Жибасье, – сказал господин Жакаль, – не соблаговолите ли разделить со мной мой скромный завтрак?

– С искренней радостью, – ответил Жибасье.

– Тогда пройдем в столовую, – сказал господин Жакаль и пошел вперед.

Жибасье проследовал за ним.

Глава V

Дар провидения

Господин Жакаль жестом пригласил Жибасье сесть.

Стул, предназначавшийся Жибасье, стоял напротив стула господина Жакаля, и их теперь разделял стол.

Господин Жакаль жестом разрешил Жибасье сесть, но тот, желая показать хозяину, что и ему не чужды были законы светского обращения, произнес:

– Прежде всего позвольте мне, дорогой мсье Жакаль, поздравить вас с возвращением в Париж.

– Соблаговолите принять от меня подобные поздравления по тому же самому поводу, – учтиво ответил господин Жакаль.

– Хочу надеяться, – сказал Жибасье, – что ваше путешествие прошло вполне удачно.

– Удачнее и быть не может, дорогой мсье Жибасье. Но, прошу вас, давайте прекратим обмениваться любезностями. Усаживайтесь, пожалуйста.

Жибасье сел.

– Отведайте вот этой отбивной.

Жибасье положил отбивную в свою тарелку.

– Подайте вашу рюмку.

Жибасье протянул.

– А теперь, – произнес господин Жакаль, – ешьте, пейте и слушайте, что я вам скажу.

– Я весь внимание, – сказал Жибасье, погружая свои великолепные зубы в мясо отбивной.

– Итак, дорогой мсье Жибасье, – продолжил господин Жакаль, – из-за глупости этого полицейского вы потеряли след порученного вам человека?

– Увы! – ответил Жибасье, кладя обглоданную дочиста косточку на краешек тарелки. – Я просто в отчаянии от этого!.. Получить такое важное задание, так великолепно – иначе не скажешь – начать его выполнение и пойти ко дну в самом порту!

– Это – несчастье.

– Я сотню лет не смогу простить себе этого...

И Жибасье жестом выразил всю глубину своего отчаяния.

– А вот я, – спокойно произнес господин Жакаль, сделав глоток бордоского и прищелкнув языком, – буду более снисходительным: я вам это прощаю!

– Нет-нет, мсье Жакаль! Нет, я не достоин прощения, – сказал Жибасье. – Я вел себя, как последний болван. Скажу больше, я оказался даже глупее этого полицейского.

– А что бы вы смогли с ним сделать, дорогой мсье Жибасье? Мне кажется, что при данных обстоятельствах очень подходит поговорка: «Сила солону ломит»...

– Мне следовало сбить его с ног и побежать вслед за Сарранти.

– Да вы бы и двух шагов не смогли сделать! На вас тут же набросились бы его помощники.

– О! – только и воскликнул Жибасье, потрясая кулаками, как бог рукопашного боя Аякс.

– Но я вам повторяю, что вы прощены, – снова произнес господин Жакаль.

– Но если вы меня прощаете, – сказал Жибасье, разом прекратив свою очень выразительную пантомиму, – значит, вы знаете, как найти *нашего* человека. Вы ведь позволите мне так его называть?

– Что ж, придумано неплохо, – ответил господин Жакаль, с удовлетворением отметив про себя, что Жибасье оказался достаточно умен для того, чтобы сообразить, что коль скоро начальник не беспокоится о пропаже нужного им человека, то это означает, что у него нет причин волноваться на сей счет. – Совсем неплохо! В награду за это, дорогой мсье Жибасье, я разрешаю вам и впредь называть мсье Сарранти *нашим* человеком. Он действительно ваш,

поскольку вы его потеряли после того, как обнаружили, и мой, поскольку я снова нашел его после того, как вы его потеряли.

– Быть того не может, – удивленно произнес Жибасье.

– Чего же?

– Что вы его нашли.

– И все же это – именно так.

– Но как все произошло? Ведь с того момента, как я потерял его след, не прошло и часа!

– А я нашел его всего лишь пять минут тому назад.

– И теперь прочно сели ему на хвост? – спросил Жибасье.

– Да нет! Вы ведь знаете, что в отношении его следует действовать особенно тонко. Я, конечно, сяду ему на хвост, или, вернее, это сделаете вы... Только на этот раз больше его не теряйте, поскольку я, возможно, не смогу найти его так же быстро.

Жибасье тоже очень надеялся вновь найти Сарранти. Он помнил, что накануне на Почтовой улице четверо заговорщиков и господин Сарранти договорились встретиться в церкви Вознесения, но опасался, что господин Сарранти что-нибудь заподозрит и не явится в условленное место.

Впрочем, Жибасье не стремился заранее показать, что у него есть след.

Вот он и решил отнести на счет своей гениальности *обнаружение следа* Сарранти, говоря языком охотников.

– И как же я смогу снова его найти? – спросил он господина Жакаля.

– Идя по его следу.

– Но ведь я потерял его...

– След никогда не теряется, Жибасье, если охотой занимаются такой загонщик, как я, и такая ищейка, как вы.

– В таком случае, – сказал Жибасье, уверенный в том, что господин Жакаль хвалится, и решив вызвать его на откровенность, – нам нельзя терять ни минуты.

И вскочил, словно бы желая немедленно пуститься на розыски господина Сарранти.

– От имени Его Величества, чью корону вы имеете честь защищать, я благодарю вас за ваше стремление поскорее взяться за дело, дорогой мсье Жибасье, – сказал господин Жакаль.

– Я всего лишь самый ничтожный, но самый преданный подданный короля! – произнес Жибасье, скромно опустив голову.

– Хорошо! – промолвил на это господин Жакаль. – Будьте уверены в том, что ваша преданность будет вознаграждена. Королей можно обвинить в чем угодно, но только не в неблагодарности.

– Нет, благодарными могут быть только народы, – ответил Жибасье, по-философски подняв глаза к небу. – Ах!..

– Браво!

– Во всяком случае, дорогой мсье Жакаль, не принимая в расчет неблагодарность королей и признательность народов, позвольте мне заверить вас в том, что я целиком и полностью в вашем распоряжении.

– Хорошо. Но будьте любезны скушать крылышко вот этого цыпленка.

– Но пока я буду есть это крылышко, мсье Сарранти от нас ускользнет!..

– Никуда он не денется: он нас ждет.

– Где же?

– В церкви.

Жибасье посмотрел на господина Жакаля с возрастающим удивлением. Каким же это образом господин Жакаль узнал то, что было известно только ему одному?

И решил узнать, докуда же простирается осведомленность господина Жакаля.

– В церкви! – воскликнул он. – Я так и думал!

– Почему?

– Потому что человек, столь стремительно скачущий по дорогам, – ответил Жибасье, – может поступать так только для того, чтобы спасти свою душу.

– Вы снова приятно меня удивляете, дорогой мсье Жибасье! – ответил на это начальник полиции. – Я вижу, вы очень наблюдательны, и поздравляю вас с этим. Ибо отныне вы будете заниматься только наблюдением. И повторяю вам, что вы найдете нужного вам человека в церкви.

Жибасье решил узнать, все ли было известно господину Жакалю.

– И в какой же он церкви? – спросил он, надеясь, что господин Жакаль хотя бы чего-то не знает.

– В церкви Вознесения, – просто ответил господин Жакаль.

Это еще больше удивило Жибасье.

– Вы ведь знаете, где находится церковь Вознесения? – переспросил господин Жакаль, видя, что Жибасье не отвечает.

– Конечно, черт возьми! – пробормотал Жибасье.

– Но, несомненно, понаслышке, поскольку не думаю, что вы – очень ревностный верующий.

– У меня, как и у других людей, своя вера, – ответил Жибасье, с блаженным видом возведя очи горе.

– Я был бы не против, если бы вы мне о ней рассказали, – произнес господин Жакаль, наливая Жибасье кофе. – Когда у нас выпадет свободная минутка, я с удовольствием послушаю вашу теологическую платформу. Вы ведь знаете, у нас на Иерусалимской улице много великих богословов. Долгое пребывание в замкнутом пространстве, очевидно, привело вас к медитации. И когда у нас будет свободное время, я с удовольствием выслушаю вашу теорию на этот счет. Но пока, к несчастью, время нас подгоняет, и сегодня мы этого удовольствия получить не сможем. Но поскольку вы мне пообещали, это всего лишь небольшая отсрочка.

Жибасье, слушая начальника, смаковал свой кофе и хлопал глазами.

– Итак, – продолжил господин Жакаль, – вы сможете найти нужного вам человека в церкви Вознесения.

– На заутренней, на обедне или же на вечерне? – уточнил Жибасье, и на лице его было написано непонятное, одновременно лукавое и наивное, выражение.

– На большой мессе.

– Значит, в половине двенадцатого?

– Если хотите, будьте там в половине двенадцатого. Но нужный вам человек придет не раньше полудня.

Именно это время и было назначено накануне.

– Но ведь уже одиннадцать! – воскликнул Жибасье, взглянув на настенные часы.

– Да успокойтесь! Этак вы нетерпеливы! Успеете вы еще помолиться.

И господин Жакаль налил водки в чашку Жибасье.

– *Gloria in excelsis!*¹ – произнес Жибасье, поднимая чашку, словно это была дароносица.

Господин Жакаль кивнул как человек, уверенный в том, что эта честь была им вполне заслужена.

– А теперь, – сказал Жибасье, – разрешите мне сказать вам кое-что. Но не затем, чтобы умалить вашу проницательность, перед которой я склоняю голову и которой восхищен...

– Говорите!

– Я знал все то, о чем вы только что мне рассказали...

– Неужели?

¹ «Gloria in Excelsis Deo» (лат.) – «Слава в вышних Богу». (Прим. изд.)

– Да, знал. И вот откуда...

И Жибасье рассказал господину Жакалю обо всем, что произошло на Почтовой улице. Как он выдал себя за заговорщика, как вошел в дом, как узнал о том, что встреча была назначена на полдень в церкви Вознесения.

Господин Жакаль слушал с вниманием, которое выражало немое уважение мудрости и ловкости собеседника.

– Значит, – сказал он, когда Жибасье закончил свой рассказ, – вы полагаете, что на этих похоронах будет много народа?

– По меньшей мере пять тысяч человек.

– А в самой церкви?

– Сколько смогут поместиться. Тысячи две-три.

– В такой толпе вам будет нелегко найти нужного человека, дорогой мой Жибасье.

– Ну что ж! В Евангелии сказано: «Ищи и обрящешь».

– Но я смогу облегчить вашу задачу!

– Вы!

– Да. Ровно в полдень он будет стоять у третьей слева от входа колонны и разговаривать с монахом-доминиканцем.

Теперь дар провидения господина Жакаля так поразил Жибасье, что он, подавленный таким превосходством, молча поклонился, взял шляпу и вышел.

Глава VI

Два джентльмена с большой дороги

Жибасье вышел из дома на Иерусалимской улице как раз в тот момент, когда, оставив у Кармелиты портрет святого Гиацинта, Доминик большими шагами спускался по улице Турнон.

Во дворе префектуры толпы уже не было: там находилась только одинокая группка из трех людей.

От нее отделился какой-то человек. В этом приближавшемся к нему маленьком худеньком человечке с землистым цветом лица, черными блестящими глазами и сверкающими зубами Жибасье узнал своего коллегу Карманьоля, подручного господина Жакаля, того самого, кто в Кёле передал ему инструкции их общего начальника.

Жибасье остановился с улыбкой на губах.

Они обменялись приветствиями.

– Вы сейчас направляетесь в церковь Вознесения? – спросил Карманьоль.

– А разве мы не должны отдать последние почести останкам великого филантропа? – ответил вопросом на вопрос Жибасье.

– Разумеется, – сказал Карманьоль. – Я ждал, когда вы выйдете от господина Жакаля, чтобы переговорить с вами о порученном нам задании.

– С превеликим удовольствием. Давайте говорить на ходу. Так не будет казаться, что время идет очень медленно. Мне, во всяком случае.

Карманьоль согласился.

– Вы знаете, что нам надо будет там сделать?

– Я должен не спускать глаз с одного человека, который будет стоять у третьей слева от входа колонны и разговаривать с неким монахом, – сказал Жибасье, все еще не пришедший в себя от столь точных инструкций.

– А я иду туда для того, чтобы арестовать этого человека.

– Как это – арестовать?

– Очень просто. В нужное время. Вот это я и должен был вам передать.

– Вам поручено арестовать мсье Сарранти?

– Ни в коем случае! Я арестую мсье Дюбрея. Он сам себя так называет, ему не на что будет пожаловаться.

– Значит, вы арестуете его как заговорщика?

– Нет, как бунтовщика.

– Значит, возможен серьезный бунт?

– Насчет серьезного вряд ли. Но волнения будут.

– А не слишком ли неосторожным будет, дорогой коллега, – сказал Жибасье, остановившись, чтобы придать вес своим словам, – не будет ли неосторожным затеять смуту в такой день, когда весь Париж будет на ногах?

– Вы правы. Но ведь пословица говорит: «Кто не рискует, тот не выигрывает».

– Это несомненно, но на сей раз мы ставим на карту всё.

– Но играть-то мы будем краплеными картами!

Это немного успокоило Жибасье.

Но все же на лице его осталось обеспокоенное, вернее, задумчивое выражение.

Было ли это следствием тех страданий, которые перенес Жибасье на дне Говорящего колодца и которые накануне снова нахлынули на него? Или это усталость от стремительной гонки и быстрого возвращения наложила на его чело обманчивую печать сплина? Как бы то ни было, но граф Башрес де Тулон казался в этот момент очень озабоченным или сильно обеспокоенным.

Карманьоль заметил это и не смог удержаться, чтобы не поинтересоваться причиной, когда они свернули с набережной на площадь Сен-Жермен-л'Оксерруа.

– Вы чем-то озабочены? – спросил он.

Жибасье вышел из задумчивости и тряхнул головой.

– Что? – переспросил он.

Карманьоль повторил свой вопрос.

– Да, вы правы, друг мой, – ответил Жибасье, – меня удивляет одна мысль.

– Черт возьми! Не много ли чести для одной мысли! – воскликнул Карманьоль.

– Но она не дает мне покоя.

– Скажите же, в чем дело! И если я смогу избавить вас от сомнений, я буду считать себя счастливейшим из смертных.

– Дело вот в чем: мсье Жакаль сказал мне, что я смогу найти нашего человека ровно в полдень в церкви Вознесения рядом с третьей колонной слева от входа.

– Да, около третьей колонны.

– Он будет разговаривать с каким-то монахом?

– Со своим сыном, аббатом Домиником.

Жибасье посмотрел на Карманьоля с тем же выражением на лице, что и в разговоре с господином Жакалем.

– Н-да, – сказал он. – Я-то считал себя осведомленным... Теперь мне кажется, что я ошибался.

– К чему такое самоуничижение? – спросил Карманьоль.

Жибасье несколько секунд молчал. Было видно, что он прилагал невероятные усилия для того, чтобы пронзить своими рысьими глазами тот мрак тайны, который его окружал.

– Так вот, – произнес он наконец, – во всем этом кроется какая-то огромная ошибка.

– С чего вы это взяли?

– А если все это правда, то я чувствую по отношению к нему одновременно удивление и восхищение.

– К кому же это?

– К мсье Жакалю.

Карманьоль сдернул с головы шляпу жестом хозяина бродячего цирка, говорящего с мэром или другим представителем власти.

– И в чем же, по-вашему, ошибка? – спросил он.

– Да в этой самой колонне и в монахе... Я допускаю, что мсье Жакаль знает о том, что было, допускаю и то, что он знает обо всем, что происходит сейчас...

Карманьоль подтверждал каждую фразу Жибасье кивком головы.

– Но чтобы он знал и то, что произойдет в будущем... Вот этого я никак понять не могу, Карманьоль.

Карманьоль захохотал, обнажив свои белые зубы.

– А как вы объясняете то, что он знает обо всем, что было и есть? – спросил он.

– Ну в том, что мсье Жакаль догадался, что Сарранти пойдет в церковь, нет ничего удивительного: когда человек рискует своей жизнью, делая попытку свергнуть правительство, он, естественно, обращается за помощью к религии и просит заступничества святых. Нет ничего удивительного и в том, что мсье Жакаль угадал, что Сарранти пойдет именно в церковь Вознесения: именно этой церкви сегодня суждено стать очагом восстания.

Карманьоль продолжал кивками головы подтверждать то, что говорил Жибасье.

– Опять же ему было очень просто догадаться, что мсье Сарранти будет находиться в церкви не в одиннадцать часов, а где-то с половины двенадцатого до без четверти двенадцать: заговорщик, половину ночи посвятивший своим козням, если только он не обладает сверхкрепким здоровьем, не пойдет радовать душу первой утренней мессой. В том, что он угадал,

что Сарранти будет стоять у колонны, я тоже не вижу ничего удивительного: после трех-четырех дней и ночей скачки без сна и отдыха человек должен чувствовать усталость и испытывать потребность к чему-то прислониться. Вот он и прислонится спиной к колонне, чтобы отдохнуть. И, наконец, я допускаю, что путем логической дедукции мсье Жакаль угадал, что мой человек будет стоять скорее слева, чем справа от входа, поскольку главарь оппозиции, естественно, должен выбрать левую сторону. Все это, конечно, необычно, умно, но ничего удивительного в этом нет, поскольку даже я об этом смог догадаться. Но вот что меня удивляет, озадачивает, приводит в полное недоумение...

Жибасье умолк, словно пытаясь разгадать эту загадку огромным усилием своего интеллекта.

– Так что же это?.. – спросил Карманьоль.

– Так это то, каким образом мсье Жакаль смог угадать, к какой именно колонне прислонится спиной Сарранти, в какое именно время он это сделает и почему какой-то монах будет разговаривать с ним как раз в то время, когда он будет подпирать эту колонну.

– Как?! – воскликнул Карманьоль. – И из-за этого-то у вас такое озабоченное выражение на лице, господин граф?!

– Да, именно из-за этого, – ответил Жибасье.

– Так это же объясняется столь же просто, как и все остальное.

– Ну да?

– Проще и быть не может.

– Что вы говорите?

– Честное слово!

– Ну тогда сделайте одолжение и откройте мне по-дружески эту тайну.

– С огромным удовольствием.

– Слушаю вас.

– Знаете ли вы Барбет?

– Я знаю улицу с таким именем: она начинается от улицы Трех Павильонов и заканчивается у Старой улицы Тампля.

– Это не то.

– Я знаю, что есть ворота Барбет, которые были частью построенной Филиппом-Августом крепостной стены, но ворота эти названы в честь Этьена Барбетта, парижского дорожного смотрителя, управителя монетного двора и прево торговой гильдии.

– Это тоже не то.

– Я знаю также, что существует дворец Барбет, в котором Изабелла Баварская родила дофина Карла VII. Именно у дверей этого дворца дождливой ночью 23 ноября 1407 года был убит вышедший из него герцог Орлеанский...

– Довольно! – воскликнул Карманьоль, тяжело дышавший, словно человек, которого заставляют проглотить лезвие сабли, – довольно! Еще несколько слов, Жибасье, и я пойду требовать для вас кафедру истории.

– Что поделать, – произнес в ответ Жибасье, – меня погубила именно ученость. Но что вы имеете в виду, говоря слово Барбет: улицу, ворота или дворец?

– Ни то, ни другое, ни третье, о, ученейший бакалавр, – сказал Карманьоль, глядя на Жибасье с восхищением и перекладывая кошелек из правого кармана в левый, другими словами, убирая его подальше от своего спутника, и, возможно, не без основания полагая, что следует ожидать чего угодно от человека, который признался, что знает так много, и, несомненно, утаил, что знает еще больше.

– Нет, – продолжил Карманьоль. – Я говорю о моей Барбет: она сдает напрокат стулья в церкви Святого Якова и живет в Виноградном тупике.

– О! Что это такое – пракатчица стульев из Виноградного тупика, – презрительно произнес Жибасье. – Ну и знакомые у вас, Карманьоль!

– Знакомства надо иметь повсюду, господин граф.

– Ну, так что же дальше?.. – спросил Жибасье.

– Так вот я и говорю, что Барбет сдает напрокат стулья, и такие стулья, на которые мой приятель «Длинный Овес»... Вы ведь знаете «Длинного Овса»?

– Видел.

– Ну вот, на этих стульях не гнушается сидеть даже мой приятель «Длинный Овес».

– Но какое отношение имеет к тайне, которую я хочу узнать, какая-то женщина, сдающая внаем стулья, на которых не гнушается сидеть ваш приятель «Длинный Овес»?

– Самое непосредственное.

– Продолжайте, – сказал Жибасье, останавливаясь, хлопая глазами и вращая большими пальцами сложенных на животе рук. Иными словами, используя все оттенки голоса и все жесты для того, чтобы показать: «Ничего не понимаю».

Карманьоль тоже остановился. Его улыбка источала огромную радость победителя.

Часы церкви Вознесения пробили три раза.

Собеседники, казалось, забыли обо всем на свете, слушая этот бой.

– Без четверти двенадцать, – произнесли они хором. – Ладно, время у нас еще есть!

Это восклицание доказывало, что каждый из них придавал большое значение начатому разговору.

Но поскольку интерес Жибасье был большим, чем интерес Карманьоля, ибо это Жибасье расспрашивал Карманьоля, а тот лишь отвечал, то разговор продолжил именно Жибасье:

– Слушаю вас.

– Вы, вероятно, не ведаете того, дорогой коллега, потому что вы несколько по-другому относитесь к нашей святой вере, что все женщины, сдающие напрокат стулья в церквях, прекрасно знают друг друга.

– Признаюсь, я этого совершенно не ведаю, – сказал Жибасье с полной откровенностью, присущей людям сильным.

– Так вот, – продолжал Карманьоль, довольный тем, что может сообщить нечто новое такому образованному человеку, – эта женщина, что сдает внаем стулья в церкви Святого Якова...

– Барбет? – вставил Жибасье, чтобы показать, что не пропускал мимо ушей ни единого слова собеседника.

– Да, Барбет. Так вот она очень дружна с одной из своих коллег в Сен-Сюльписе, которая проживает на улице По-де-Фер.

– Вот оно что! – воскликнул Жибасье, перед которым забрезжила разгадка.

– Вы начинаете кое-что понимать, не так ли?

– Пока еще смутно, но я что-то чую, о чем-то догадываюсь...

– Короче, как я уже сказал, наша женщина, сдающая внаем стулья в Сен-Сюльписе, работает консьержкой в доме, до дверей которого вы вчера ночью проследовали за мсье Сарранти и в котором проживает его сын, аббат Доминик.

– Продолжайте, продолжайте, – пробормотал Жибасье, не желавший ни за что на свете потерять путеводную нить, за которую он только что ухватился.

– Так вот, первой мыслью, которая пришла в голову мсье Жакалю после получения сегодня утром письма с изложением вашего вчерашнего маршрута слежки, была мысль о том, что поскольку вы проследовали за мсье Сарранти до дверей дома на улице По-де-Фер, отправить за мной и спросить, нет ли у меня знакомых в этом самом доме. Сами понимаете, мсье Жибасье, какова была моя радость, когда я узнал, что именно в этом доме несла охрану подружка моей знакомой. Мне оставалось только сказать, что задание понял, и помчаться к

моей Барбет. Я знал, что найду у нее «Длинного Овса»: именно в это время он пьет у нее кофе. Значит, я помчался в Виноградный тупик. И точно, «Длинный Овес» был там. Я шепнул ему на ухо пару слов, он о чем-то переговорил с Барбет, и та немедленно пошла навестить свою подружку, которая сдает внаем стулья в Сен-Сюльписе.

– О, неплохо, совсем неплохо! – сказал Жибасье, начавший угадывать первые буквы шарады. – Продолжайте, я весь внимание.

– Итак, сего дня утром, в половине восьмого, Барбет отправилась на улицу По-де-Фер. Я повторяю, что «Длинный Овес» несколькими словами ввел ее в курс дела. Поэтому первое, что она заметила в уголке одного из окон, было письмо, адресованное мсье Доминику Сарранти.

– Слушайте, – сказала Барбет своей подружке, – так, значит, ваш монашек еще не вернулся домой?

– Нет, – ответила та. – Но он может прийти с минуты на минуту.

– Удивительно, что он так подолгу не бывает дома.

– Да разве узнаешь, чем занимаются эти монахи? А почему это вы о нем заговорили?

– Просто увидела, что для него есть письмо, – ответила Барбет.

– Да, это письмо на его имя пришло вчера вечером.

– Странно, – снова сказала Барбет, – почерк очень похож на женский.

– Да нет же, – ответила ее подружка. – Какие могут быть женщины... Аббат Доминик живет здесь вот уже пять лет, и я ни разу не видела здесь ни одной женщины.

– Зря вы так в этом уверены...

– Да я просто знаю: письмо это написал мужчина. К тому же он очень меня напугал.

– Он что, оскорбил вас, кумушка?

– Нет, слава богу, этого не было. Но видите ли, я, вероятно, вздремнула... А когда открыла глаза, увидела перед собой высокого мужчину во всем черном.

– А это, случаем, был не дьявол?

– Нет. Ведь после его ухода должно было пахнуть серой... Он спросил, не вернулся ли аббат Доминик. Я ответила, что пока его нет дома. «Так вот, я сообщаю вам, что он вернется либо сегодня ночью, либо завтра утром», – сказал он мне. Это было, по-моему, очень странно!

– Конечно.

«Ах, – сказала я ему, – значит, он вернется ночью или завтра утром! Право слово, я рада узнать об этом. – Он что, ваш духовник? – спросил он с улыбкой. – Мсье, – сказала я ему в ответ, – знайте, что я не исповедуюсь молодым людям его возраста. – Вот оно что... Ладно, тогда, будьте любезны, передать ему... Хотя нет, сделаем лучше так... У вас найдутся перо, чернила и бумага? – Черт возьми, и вы еще спрашиваете! – Я оставлю ему записку, дайте мне все, что нужно».

Я дала ему перо, чернила и бумагу, и он написал это письмо. «А теперь, – сказал он, – нет ли у вас сургуча или воска? – Ну, уж чего нет, того нет, – сказала я ему».

– А у вас и правда их не было? – поинтересовалась Барбет.

– Были! Но в честь чего это я должна давать всяким незнакомым мне людям мой сургуч и мой воск?

– И правда, если давать всем подряд, то и разориться можно.

– Ну, разориться-то не разоришься, а вот людям, которые хотят запечатать письма, доверять особенно не станешь.

– И к тому же, когда эти люди уйдут, очень неудобно читать запечатанные письма. Но в таком случае, – продолжала Барбет, бросив взгляд на письмо, – каким же это образом оно оказалось запечатанным?

– Это другая история! Он стал рыться в бумажнике, и рылся так долго, что в конце концов нашел старый огрызок сургуча.

– И вы, значит, не знаете, о чем говорится в этом письме?

– Слово даю, что не знаю. Да и что интересного в том, чтобы узнать, что мсье Доминик является сыном этого человека, что он будет ждать мсье Доминика сегодня в полдень в церкви Вознесения у третьей слева от входа колонны и что в Париже он находится под фамилией Дюбрей?

– Так, значит, вы все же сумели прочесть это письмо?

– О! Я только слегка приоткрыла его: мне было очень интересно узнать, почему это он так хотел заполучить сургуч, чтобы запечатать послание.

В этот момент послышался бой колокола Сен-Сюльпис.

– Ах! – воскликнула консьержка с По-де-Фер. – Я чуть было не забыла!

– О чем же?

– Да о том, что сегодня в девять часов похороны. А мой прощелыга-муженек отправился куда-то пьянствовать. Ему ни до чего нет дела! На кого же я смогу оставить дом? Не кошка же будет его сторожить?!

– Может, я пока посижу? – спросила Барбет.

– И то правда, – сообразила ее подружка. – Не окажете ли вы мне такую услугу?

– Какие мелочи! Разве мы не должны помогать друг другу в этом мире?

Получив это заверение, консьержка отправилась в Сен-Сюльпис на свою вторую работу.

– Понятно, – произнес Жибасье. – А когда она ушла, Барбет тоже приоткрыла это письмо.

– Нет! Она подержала его над паром, прекрасно его распечатала и переписала. Таким образом, через десять минут у нас в руках было все письмо.

– И что же в нем говорилось?

– Все то же, о чем рассказала консьержка дома номер 28. Кстати, можете сами его прочесть.

И Карманьоль, вынув из кармана бумагу, стал вслух зачитывать письмо, в то время как Жибасье читал его про себя. Там было написано следующее:

«Дорогой сын, я прибыл в Париж сегодня вечером под фамилией Дюбрей и сразу же отправился навестить вас. Мне сказали, что вас нет дома, но что первое мое письмо вам было передано и, следовательно, вы не задержитесь надолго. Если вы вернетесь домой сегодня ночью или завтра утром, вы сможете найти меня в церкви Вознесения: я буду стоять, прислонившись к третьей колонне слева от входа».

– Ага! – сказал Жибасье. – Отлично!

И, поскольку за разговорами о своих делах и о делах других людей они подошли уже к ступенькам портика церкви Вознесения, они вошли в церковь с началом полуденного боя часов.

У третьей слева от входа колонны стоял, прислонившись к ней спиной, господин Сарранти, а рядом с ним на коленях стоял никем не замеченный Доминик и целовал руку отца.

Впрочем, мы ошиблись, Жибасье и Карманьоль увидели его сразу же.

Глава VII

Как организуются беспорядки

Двум вновь вошедшим было достаточно одного только взгляда, и они в то же мгновение оба круто развернулись и направились в противоположную сторону, то есть к хорам.

А когда обернулись и пошли назад, то увидели, что Доминик продолжал оставаться на коленях, но господина Сарранти у колонны не было.

Мы видим, еще бы немного, и непогрешимость господина Жакаля была бы поставлена Жибасье под сомнение. Однако же его восхищение начальником полиции только возросло: сцена, которую он описал, длилась всего мгновение, но ведь она имела место.

– Кхм, – произнес Карманьоль. – Монашек на месте, а вот нашего человека я что-то не вижу.

Жибасье поднялся на носки, вперил свой натренированный взгляд в глубину церкви и улыбнулся.

– Зато его вижу я, – сказал он.

– И где же он?

– Справа от нас, наискосок.

– Не вижу.

– Смотрите лучше.

– Смотрю.

– И что же вы видите?

– Какого-то академика, который нюхает табак.

– Это для того, чтобы проснуться: он думает, что он на заседании... А что вы видите за академиком?

– Какого-то мальчишку, который крадет часы.

– Это для того, чтобы его старый отец мог узнавать время, Карманьоль... А за мальчишкой?

– Какого-то молодого человека, который вкладывает записку в молитвенник девушки.

– И будьте уверены, Карманьоль, эта записка не имеет никакого отношения к похоронам... А позади этой счастливой парочки?

– Человека с таким грустным лицом, что можно подумать, что это его хоронят. Я вижу его на всех похоронах.

– В глубине души, дорогой Карманьоль, он, несомненно, питает меланхолическую мысль, что не сможет побывать на собственном погребении. Но скоро мы дойдем до нашей цели, друг мой. Кого вы видите позади этого грустного старца?

– А! И правда, наш человек... Он разговаривает с мсье де Лафайеттом.

– Правда? Так это и есть мсье де Лафайетт? – переспросил Жибасье с тем оттенком почтения в голосе, с которым самые ничтожные люди говорили об этом благородном старце.

– Как! – воскликнул удивленный Карманьоль. – Вы не узнали мсье де Лафайетта?

– Я покинул Париж накануне того самого дня, когда меня должны были представить ему как перуанского кацика, прибывшего для изучения французской конституции.

В тот момент, когда оба приятеля, заложив руки за спину и изобразив на лицах безмятежность, начали медленно приближаться к группе популярных оппозиционеров, состоявшей из генерала де Лафайетта, господина де Моранда, генерала Пажоля, Дюпона (из Эра) и еще нескольких известных людей, так вот именно в этот самый момент Сальватор указал на полицейских своим друзьям.

Жибасье не упустил ни малейшего движения в группе молодых людей. Он, казалось, обладал каким-то особенным чутьем, сильно развитым зрением: он видел одновременно все,

что творилось справа и слева от него, подобно косоглазым, и все, что происходило спереди и сзади, как хамелеон.

– Кажется мне, дорогой Карманьоль, – сказал Жибасье, указывая своему приятелю глазами на группу из пяти молодых людей, – что вот эти господа нас узнали. А посему нам лучше немедленно расстаться. Кстати, так мы сможем надежнее приглядывать за нашим другом, встретиться мы всегда сможем в надежном месте.

– Вы правы, – сказал Карманьоль, – лишняя предосторожность никогда не помешает. Заговорщики более хитры, чем можно предположить.

– Это с вашей стороны довольно смелое высказывание, Карманьоль. Но как бы то ни было, лучше всего нам поверить в то, что вы сейчас сказали.

– Вы ведь помните, что арестовать мы должны только одного из них?

– Разумеется. А как нам быть с монахом? Он ведь поднимет против нас все духовенство.

– Арестуем его как человека по фамилии Дюбрей за скандал, который он устроит в церкви.

– Только так.

– Хорошо! – сказал Карманьоль и пошел вправо. Его спутник в это время метнулся влево. Описав кривую, каждый из них оказался рядом со своей жертвой: Карманьоль справа от отца, а Жибасье – слева от сына.

В это время началось богослужение.

Месса была произнесена елеинно и выслушана с благоговением.

Когда месса была прочитана, молодые люди из школы в Шалоне, принесшие гроб в церковь, подошли, чтобы снова поднять его и нести на кладбище.

Но в тот самый момент, когда они нагнулись для того, чтобы совместными усилиями поднять свою ношу в едином порыве, какой-то высокий человек во всем черном без знаков различия словно вырос из-под земли и тоном привыкшего командовать человека приказал:

– Не прикасайтесь к гробу, господа!

– Почему? – спросили удивленные молодые люди.

– Я не намерен отчитываться перед вами, – ответил человек в черном. – Не трогайте гроб!

А затем обратился к распорядителю похорон:

– Где ваши носильщики? Где люди, которые должны нести гроб?

Распорядитель похорон приблизился.

– Но, – пробормотал он, – я думал, что тело должны будут нести именно эти господа.

– Этих господ я не знаю, – оборвал его человек в черном. – Я спрашиваю вас, где ваши носильщики? Немедленно позовите их сюда!

Легко понять, какой гул поднялся в церкви в результате этого инцидента. Со всех сторон послышался грозный рокот, напоминавший грохот волн перед началом шторма. Из груди всех присутствующих вырвался устрашающий рев.

Незнакомец, вне сомнения, чувствовал за своей спиной огромную силу, поскольку встретил этот гул с презрительной улыбкой.

– Позвать сюда носильщиков! – повторил он.

– Нет, нет, нет! Никаких носильщиков! – закричали ученики.

– Никаких носильщиков! – повторила толпа.

– По какому праву, – продолжали ученики, – вы хотите помешать нам нести останки нашего благодетеля? У нас есть на это разрешение его родных!

– Ложь! – сказал незнакомец. – Родственники, напротив, категорически возражают, чтобы тело усопшего несли каким-то особым способом.

– Это правда, господа? – спросили молодые люди, повернувшись к сыновьям покойного – графу Гаэтану и Александру де Ларошфуко, которые подошли, чтобы следовать за телом

отца. – Правда ли, господа, что вы не разрешаете нам нести останки нашего благодетеля и вашего отца, который и для нас был, как отец родной?

Все это происходило среди не поддающегося описанию гвалта.

Но, когда люди слышали этот вопрос, когда увидели, что граф Гаэтан приготовился отвечать, со всех сторон послышались крики:

– Тихо! Тихо! Замолчите!

Сразу же в церкви, как по мановению волшебной палочки, воцарилась абсолютная тишина, и все слышали, как граф Гаэтан торжественно, мягко и с признательностью в голосе произнес:

– Семья нисколько не противится этому. Господа, она просит вас об этом.

При этих словах раздались крики радости, потрясшие здание церкви от купола до основания.

Однако распорядитель похорон уже заставил подойти к гробу своих носильщиков, и те уже взялись за ручки. Но, услышав слова графа Гаэтана, они передали гроб молодым людям, которые, подняв его на плечи, благоговейно вынесли дорогие им останки из церкви.

Процессия довольно спокойно пересекла двор и вышла на улицу Сент-Оноре.

Человек, который затеял весь этот скандал, исчез, словно испарился. Все присутствующие напрасно расспрашивали о нем, но никто не видел, ни когда он вышел, ни куда пошел.

Оказавшись на улице Сент-Оноре, кортеж перестроился: за гробом встали сыновья герцога де Ларошфуко, за ними большое число пэров Франции, потом депутаты, люди, прославившиеся личными заслугами или высокопоставленные по рождению, друзья или сторонники герцога.

Герцог де Ларошфуко был генерал-лейтенантом. Посему для отдания воинских почестей покойному был выделен почетный караул.

Казалось, все вошло в мирное русло, но в тот самый момент, когда этого меньше всего ожидали, вдруг опять словно из-под земли появился тот же самый человек, который затеял скандал в церкви.

Узнавшая его толпа испустила вопль возмущения.

Но тот, приблизившись к офицеру, командовавшему почетным караулом, сказал ему на ухо несколько слов, которых никто не расслышал.

Затем он громко потребовал от офицера проявить силу и оказать поддержку агентам, для того, чтобы помешать молодым людям нести гроб и установить его на катафалк, на котором останки покинут пределы Парижа.

При этих словах, сопровождаемых на сей раз призывом к применению военной силы, со всех сторон раздались угрожающие крики.

Среди этого шума можно было отчетливо услышать такие слова:

– Не слушайте его!.. Да здравствует гвардия! Долой шпииков! Долой комиссара полиции! Вздернуть этого комиссара на фонаре!

И, как естественное продолжение этих криков, по колонне от хвоста до головы прошло движение, похожее на волну прилива.

Когда эта волна докатилась до комиссара, он был вынужден попятиться назад.

Обернувшись на крики, он бросил на толпу угрожающий взгляд.

– Мсье, – обратился он снова к офицеру, – я требую, чтобы вы применили силу.

Офицер посмотрел на своих людей: они были тверды и нахмурены. Он понял, что они выполнят любой его приказ.

Снова раздались крики:

– Да здравствует гвардия! Долой ищеек!

– Мсье, – резко повторил, снова обращаясь к офицеру, человек в черном, – в третий и последний раз я требую от вас помощи! У меня есть приказ, и горе вам, если вы помешаете мне его выполнить!

Офицер, на которого подействовали повелительный тон комиссара и его угрозы, вполголоса отдал приказ солдатам, и мгновение спустя на ружьях заблестели примкнутые штыки.

Это, казалось, привело толпу в совершеннейшее негодование.

Со всех сторон полетели призывы к мщению, угрозы расправы.

– Долой гвардию! Смерть комиссару! Долой правительство! Смерть Корбьеру! На фонарь иезуитов! Да здравствует свобода печати!

Солдаты двинулись вперед, чтобы завладеть гробом.

Теперь, если читателю хочется перейти от общего к частному и от толпы к некоторым составляющим ее личностям, поможем ему бросить взгляд на поведение героев нашей книги в тот момент, когда гроб спускался на плечах учеников школы в Шалоне по ступенькам церкви Вознесения и когда траурная процессия выходила на улицу Сент-Оноре.

Господин Сарранти и аббат Доминик, за которыми неотступно следовали Жибасье и Карманьоль, при выходе из церкви подошли друг к другу, ничем не показывая, что они знакомы, и заняли место в конце улицы Мондови, то есть рядом с площадью Оранжери, напротив сада дворца Тюильри.

Господин де Моранд и его друзья сконцентрировались на улице Мон-Табор и стали ждать, когда кортеж тронется в путь.

Сальватор и четверо молодых людей остановились на улице Сент-Оноре рядом с пересечением ее с улицей Нев-дю-Люксамбур.

Движением толпы, сплотившей свои ряды, молодых людей отнесло примерно за двадцать метров от решетки ограждения церкви Вознесения.

Они обернулись, услышав крики, с которыми возмущенная толпа встретила применение вооруженной силы против участников траурного шествия.

Но среди тех, кто особенно рьяно выказывал свое возмущение, самыми горластыми были люди с низкими лбами и бегающими взглядами, которые, казалось, были очень умело расставлены в толпе.

Жан Робер и Петрюс с отвращением отвернулись. В тот момент их главным желанием было вырваться из этой давки, над которой летало нечто злое. Но сделать это было невозможно: они оказались в западне. Им было трудно двинуться с места, а все их усилия оказались подчинены одному только инстинкту самосохранения: им оставалось только постараться, чтобы их не задавили в толпе.

Сальватор, этот странный человек, который, казалось, был столь же хорошо знаком с тайными сторонами жизни аристократии, как и с тайнами полиции, знал большинство этих людей не только по облику, но, странная вещь, и по имени. Имена эти были для любознательного поэта с возвышенными чувствами Жана Робера вехами, стоявшими на неизведанном пути, который вел на круги ада, описанные Данте.

Этими людьми были «Длинный Овес», Мальдаплом, «Стальная Жила», Майошон, короче, вся та шайка, которая, как читатель помнит, осаждала домишко на Почтовой улице, в которой один из проходимцев, бедняга Волован, совершил столь опасный и столь неудачный прыжок. Там стояли, рассредоточившись и следя за глазами и руками Сальватора, мимикой и жестами призывающего к большой осторожности, Крючок и его приятель Жибелот; они прекрасно устроились, а последний продолжал обозначать свое присутствие резким запахом вальерьянки, так досаждавшим Людовику в кабаре, что на углу улицы Обри-ле-Буше, где и началась та долгая история, которую мы излагаем нашему читателю. В толпе стояли Фафиу с божественным Коперником; их объединяло стремление Коперника не ссориться с Фафиу, который, в свою очередь, никак не желал ругаться с Коперником.

Таким образом, мы понимаем, что Коперник простил Фафиу тот неуважительный поступок, отнеся его на счет расшатанных нервов, с которыми приятель не смог совладать. Но Коперник попросил Фафиу впредь этого не делать, в чем Фафиу и поклялся, но с той оговоркой в душе, с какой клянутся иезуиты, утверждая, что клятву можно и не выполнять.

В десяти шагах от этих двух артистов, удачно разделенный с ними плотной людской массой, стоял Жан Торо, держа под руку, как жандармы обычно держат арестованных и как Жиба-сье недавно держал своего незадачливого полицейского, так вот Жан Торо держал под руку высокую блондинку, эту базарную Венеру с телом гибким, как у змеи, по прозвищу Фифина.

Мы сказали *удачно* потому, что Жан Торо учуял Фафиу точно так же, как Людовик учуял Жибелота, хотя не можем обвинить бедного парня в том, что от него исходил такой же аромат. Но мы знаем, какую глубокую ненависть, какое давнее презрение питал могучий столяр по отношению к своему худенькому сопернику.

Неподалеку от них находились два приятеля, завязавшие в кабаре драку с молодыми парнями. «Мешок с алебастром», этот каменщик, сбросивший во время пожара своего ребенка и свою жену с третьего этажа на руки Эркюля Фарнезы по кличке Жан Бычок и потом выпрыгнувший сам. Этот «Мешок с алебастром», белый, как и тот материал, с которым он обычно работал и от которого и произошло его прозвище, стоял под руку с гигантом, чье лицо было настолько же черным, насколько оно было белым у «Мешка с алебастром». Этот гигант, похожий на титана, супруга Ночи, был рослым угольщиком, и Жан Бычок, когда у него был день веселья и педантизма, дал ему прозвище Туссен-Лувертюр.

Кроме того, в толпе находились все те одетые в черное люди, которые стояли во дворе префектуры полиции в ожидании последних инструкций господина Жакаля и знака выступить.

В тот момент, когда солдаты с примкнутыми штыками стали приближаться к гробу, двадцатка человек, в благородном порыве, бросились вперед и встали между штыками и учениками школы в Шалоне, которые продолжали нести тело.

Офицер, у которого все спрашивали, осмелится ли он пустить в ход штыки своих солдат против молодых людей, единственным преступлением которых было желание воздать последнее почести своему благодетелю, ответил, что получил от комиссара полиции строжайший приказ и не желает, чтобы его разжаловали в рядовые.

И на всякий случай потребовал в последний раз, чтобы те, кто хотел помешать ему исполнить свой долг, отошли в сторону. Обратившись к молодым людям, защищенным этой живой стеной, он приказал опустить гроб на землю.

– Не опускайте! Не подчиняйтесь ему! – закричали со всех сторон. – Мы все поддержим вас!

И молодые люди, действительно, своими словами и решительным поведением показали, что готовы рисковать жизнью, но не отступить.

Офицер приказал своим людям продолжать движение; поднявшиеся было вверх штыки снова опустились.

– Смерть комиссару! Смерть офицеру! – завопила толпа.

Человек в черном поднял руку, послышался свист дубинки, и кто-то, получив удар по виску, рухнул, обливаясь кровью, на мостовую.

В то время город еще не знал страшных волнений, которые произойдут 5 и 6 июня и 13 и 14 апреля, и окровавленный человек еще был чем-то необычным.

– Убийцы! – закричала толпа. – Убийцы!

Словно ожидая этих слов, две или три сотни полицейских выхватили из-под плащей точно такие же дубинки, действие одной из которых было только что наглядно продемонстрировано.

Это было началом боевых действий.

Все, у кого оказались палки, подняли их над головой, те, у кого в карманах были ножи, достали их.

Хорошо подготовленный бунт начался взрывом. Публика, говоря театральным языком, была подогрета.

Жан Торо, человек сангвинической храбрости, иными словами, человек первого порыва души, моментально позабыл молчаливые рекомендации Сальватора.

– Ага! – сказал он, отпуская руку Фифины и поплеывая на руки, – думаю, что мы сможем от души повеселиться!

И, как бы пробуя свои силы, подхватил ближайшего к нему полицейского, приподнял его над собой, готовясь его куда-нибудь бросить.

– Ко мне! Помогите, друзья! – закричал полицейский, чей голос слабел с каждой минутой, потому что железные руки Жана Торо сжимались все сильнее.

«Стальная Жила», услышав этот призыв к помощи, ящерицей прошмыгнул сквозь толпу, подскочил к Жану Торо сзади и уже поднял над его головой короткую обитую свинцом палку, но тут «Мешок с алебастром», встав между шпиком и плотником, ухватился за палку, а в это время подоспевший тряпичник, безусловно желая оправдать свое прозвище, подставил ногу, и «Стальная Жила» упал.

Начиная с этого самого момента, началась невообразимая свалка, слышались пронзительные крики оказавшихся втянутыми в драку женщин.

Полицейский, которого Жан Торо поднял над собой, словно Геракл Антея, выронил дубинку, и она отлетела к ногам Фифины. Та подняла ее и, засучив рукава до локтя, с растрепанными на ветру белокурыми волосами начала наносить удары направо и налево по головам всех, кто пытался к ней приблизиться. Два-три удара, нанесенных этой Брадамантой, привлекли внимание двух или трех полицейских, и она непременно получила бы свою долю тумачков, но тут к ней пробилась Коперник и Фафиу.

Вид приближающегося к Фифине Фафиу наполнил яростью Жана Торо. Швырнув полицейского в толпу, он повернулся к скомороху.

– Попался! – крикнул он.

Протянув руку, он схватил Фафиу за шиворот.

Но едва он его схватил, как получил по голове удар освинцованной дубинки, заставивший его выпустить жертву.

Он тут же узнал ударившую его руку.

– Фифина! – взревел он с пеной ярости на губах. – Ты что, хочешь, чтобы я тебя прибил?

– Ну ты, подонок! – сказала она. – Попробуй только поднять на меня руку!

– Да я не на тебя ее поднял, а на него!

– Посмотрите-ка на этого плотняшку, – сказала она «Мешку с алебастром» и Крючку. – Ведь он хочет задушить человека, который только что спас мне жизнь!

Жан Торо вздохнул, словно прорычал. А потом крикнул Фафиу:

– Пошел вон! Если хочешь остаться в живых, поменьше встречайся на моем пути!

Пока происходила эта сцена, справа от Жана Торо и его приятелей по кабаре, посмотрим, что же случилось слева от группы Сальватора и наших четырех молодых людей.

Как мы уже видели, Сальватор рекомендовал Жюстену, Петрюсу, Жану Роберу и Людовику соблюдать строжайший нейтралитет. Однако Жюстен, самый спокойный с виду из всех четверых, первым нарушил приказание.

Расскажем сначала, как они стояли.

Жюстен находился слева от Сальватора, в то время как трое остальных держались немного сзади.

Вдруг Жюстен услышал в трех шагах от себя крик боли и детский голос:

– Ко мне, мсье Жюстен! Помогите!

Услыхав свое имя, Жюстен рванулся вперед и увидел Баболена, катавшегося по земле под ударами полицейского.

Быстрым, как полет мысли, движением, он резко оттолкнул полицейского и нагнулся, чтобы помочь Баболену подняться с земли. Но в тот самый момент, когда он наклонился, Сальватор увидел, что над головой Жюстена была занесена дубинка полицейского. Бросившись вперед, он вытянул руки, чтобы уберечь голову Жюстена от неминуемого удара. Но, к его огромному удивлению, дубинка так и осталась поднятой, а до его ушей донесся ласковый голос:

– А, здравствуйте, дорогой мсье Сальватор! Как я рад снова увидеться с вами!

Это был голос господина Жакаля.

Глава VIII

Арест

Господин Жакаль, узнав в Жюстене друга Сальватора и любовника Мины и увидев опасность, которая ему угрожала, бросился вперед одновременно с Сальватором для того, чтобы отвести угрозу.

Вот так и встретились обе руки.

Но покровительство господина Жакаля на этом не закончилось.

Жестом руки приказав своим людям не трогать этих людей, он отвел Сальватора в сторону.

– Дорогой мсье Сальватор, – сказал он ему, поднимая на нос очки, чтобы за разговором не упустить ничего из того, что творилось в толпе, – дорогой мой мсье Сальватор, я хочу дать вам хороший совет.

– Слушаю вас, дорогой мсье Жакаль.

– Дружеский совет... Вы ведь знаете, что я – ваш друг?

– Во всяком случае, льщу себя такой надеждой, – ответил Сальватор.

– Ну так вот, посоветуйте мсье Жюстену и всем лицам, которым найдете нужным, – он глазами указал на Петрюса, Людовика и Жана Робера, – посоветуйте им, повторяю, уйти отсюда и... сами сделайте то же самое.

– Это еще почему, дорогой мсье Жакаль? – воскликнул Сальватор.

– Потому что с ними может случиться несчастье.

– Ба!

– Да-да! – кивнул господин Жакаль.

– Значит, здесь возможен бунт?

– Очень этого опасаясь. Все, что сейчас происходит, очень напоминает мне начало восстания.

– Да, все восстания и беспорядки начинаются одинаково, – сказал Сальватор. – Правда, – добавил он тут же, – не все они одинаково заканчиваются.

– Ну, эта смута закончится, как надо, я в этом уверен, – ответил господин Жакаль.

– О! Коль скоро вы в этом уверены!.. – произнес Сальватор.

– У меня нет в этом никаких сомнений.

– Черт возьми!

– А посему, сами понимаете, несмотря на особое покровительство, которое я могу оказать вашим друзьям, может случиться так, что, как я уже сказал, с ними приключится какое-нибудь несчастье. Вот я и прошу вас уговорить их уйти отсюда.

– Я не стану этого делать, – сказал Сальватор.

– Почему же?

– Потому что они решили остаться здесь до самого конца.

– Для чего же?

– Просто из любопытства.

– Фу! – сказал господин Жакаль. – Слушайте, это несерьезно.

– Тем более, что, как вы уже сказали, мы можем быть уверены в том, что верх одержат силы правопорядка.

– Но это не помешает тому, что ваши молодые люди, оставшись...

– Что же?

– Рискуют...

– Чем?

– Дьявол! Тем, чем люди рискуют во время беспорядков: их могут убить.

- В таком случае, мсье Жакаль, сами понимаете, я их жалеть не буду.
- Вот как? Вам их будет не жалко?
- Да! Они получают то, что заслужат.
- Как это: то, что заслужат?
- Очень просто! Им захотелось посмотреть на беспорядки, пусть же они испытают на себе все последствия своего любопытства.
- Им захотелось посмотреть на беспорядки? – переспросил господин Жакаль.
- Да, – ответил Сальватор.
- Значит, они знали, что будут волнения? Выходит, ваши друзья были в курсе того, что должно будет произойти?
- Да, они были полностью об этом осведомлены, дорогой мсье Жакаль. Самые бывалые моряки не смогли бы предугадать приближение бури с большей точностью, чем мои друзья учуяли приближение бунта.
- Правда?
- Несомненно. Признайтесь, дорогой мсье Жакаль, что надо быть совершенным глупцом, чтобы не понять, что происходит.
- Ну хорошо! И что же, по-вашему, происходит? – спросил господин Жакаль, водружая очки на нос.
- А вы сами не знаете?
- Абсолютно.
- Тогда спросите вон у того господина, которого сейчас арестовывают вот там.
- Где это? – спросил господин Жакаль, не потрудившись даже поднять на лоб очки, что ясно показывало, что он, так же, как и Сальватор, прекрасно видел, что арест действительно имел место. – Какого еще господина?
- Ах да, я и забыл, – сказал Сальватор. – У вас ведь такое плохое зрение, что этого вы увидеть никак не можете. И все же попытайтесь... Посмотрите, вон там, в двух шагах от монаха.
- Да, действительно, вроде бы я вижу кого-то в белом.
- О, небо! – воскликнул Сальватор. – Но ведь это же аббат Доминик, друг бедняги Коломбана. А я-то полагал, что он находится в Бретани в замке Пеноель.
- Он там, действительно, был, – сказал господин Жакаль. – Но сегодня утром вернулся в Париж.
- Сегодня утром? Благодарю вас за ценные сведения, мсье Жакаль, – с улыбкой произнес Сальватор. – Ну, а рядом с ним, видите?..
- А! Честное слово, вижу! И правда, арестовали какого-то человека. Мне от всего сердца жаль этого гражданина.
- Так вы его не знаете?
- Нет.
- А тех, кто его арестовывает?
- У меня такое слабое зрение... И потом, мне кажется, что их там очень много.
- Меня интересуют те двое, которые держат его за шиворот.
- Да, да, мне знакомы эти молодцы. Но только, где же это я их видел? Вот в чем вопрос.
- Так и не вспомнили?
- Честное слово, нет.
- Может быть, хотите, чтобы я вам подсказал?
- Вы доставили бы мне этим большое удовольствие.
- Значит, так: одного из них, того, что пониже, вы видели в тот момент, когда он отправлялся на каторгу, а другого, что повыше ростом, когда он с каторги возвращался.
- Да! Да! Да!
- Теперь вспомнили?

– Да я ведь знаю их, как облупленных: это мои служащие. Но, черт побери, что они там делают?

– Полагаю, что выполняют ваше задание, дорогой мсье Жакаль.

– Тьфу! – сказал господин Жакаль. – А может быть, они работают по своей собственной инициативе. Знаете, с ними иногда случается и такое.

– Э, смотрите-ка, и впрямь, – сказал Сальватор. – Один из них срезает цепочку со своего пленника!

– А я вам что говорил... Ах, дорогой мсье Сальватор, в полиции работает много нечестных людей!

– Кому вы это рассказываете, мсье Жакаль?

И, вероятно, не желая, чтобы его дальше видели в обществе господина Жакаля, Сальватор отступил на шаг и попрощался.

– Мне доставило большое удовольствие встретиться с вами, мсье Сальватор, – сказал начальник полиции и быстрыми шагами направился в другую сторону. Туда, где Жибасье и Карманьоль пытались произвести арест господина Сарранти.

Мы говорим *пытались* потому, что, хотя двое полицейских и держали господина Сарранти за ворот, тот отнюдь не считал себя арестованным.

Сначала он попытался отговориться.

На слова «Именем короля, вы арестованы!», сказанные ему одновременно в оба уха Карманьолем и Жибасье, он ответил громко:

– Вы арестовываете меня? За что же?

– Не надо скандала! – сказал ему на это Жибасье. – Мы вас знаем.

– Вы меня знаете? – воскликнул Сарранти, взглянув поочередно на обоих полицейских.

– Да, вас зовут Дюбрей, – произнес Карманьоль.

Мы помним, что господин Сарранти написал своему сыну, что в Париж он прибыл под фамилией Дюбрея и что господин Жакаль рекомендовал полицейским арестовать этого упорного заговорщика именно под этой фамилией, чтобы не придавать аресту политической окраски.

Увидев, что его отца арестовывают, Доминик, влекомый первым душевным порывом, бросился к родителю.

Но господин Сарранти сделал ему знак остановиться.

– Не вмешивайтесь в это дело, мсье, – сказал он монаху. – Произошла какая-то ошибка, и я уверен, что завтра я буду выпущен на свободу.

Монах подчинился этим словам, в которых был приказ, и отступил назад.

– Разумеется, так оно и будет, – сказал Жибасье. – Если мы ошиблись, завтра вас выпустят.

– Вначале скажите мне, – произнес Сарранти, – по чьему приказу меня арестовывают.

– Вы арестованы на основании ордера на арест некоего мсье Дюбрея, на которого вы настолько похожи, что я не могу не исполнить свой долг и не задержать вас до выяснения вашей личности.

– И почему же вы, так опасаясь скандала, арестовываете меня именно здесь, а не в другом месте?

– Да потому, что мы арестовываем людей там, где мы их встречаем! – сказал на это Карманьоль.

– Не говоря уже о том, что мы охотимся за вами начиная с сегодняшнего утра, – добавил Жибасье.

– Как это с утра?

– Да, – сказал Карманьоль, – с тех пор, как вы ушли из гостиницы.

– Из какой гостиницы? – спросил Сарранти.

– Из гостиницы на площади Сент-Андре-дез-Арк, – ответил Жибасье.

При этих словах в мозгу Сарранти словно сверкнула молния догадки. Ему показалось, что он уже где-то видел лицо, слышал голос Жибасье.

Ему тут же вспомнилось его путешествие, венгр, фельдъегерь, ямщик... Все это было словно в тумане, но настолько явственно, что он инстинктивно понял: сомнений быть не могло.

– Негодяй! – вскричал корсиканец, побледнев, как полотно, и сунув руку под одежду.

Жибасье увидел, как сверкнуло лезвие кинжала, и, возможно, смерть настигла бы его столь же стремительно, как гром следует за молнией, если бы Карманьоль, вовремя заметивший и понявший движение пленника, не схватился обеими руками за руку, державшую оружие.

Почувствовав, что зажат этими двумя людьми, Сарранти, собрав все силы, которые может только придать человеку его воля в решающий момент, сумел освободить руку и метнулся с кинжалом в руке в плотную толпу людей.

– С дороги! – крикнул он. – С дороги!

Но Жибасье и Карманьоль уже бросились за ним следом и успели условным сигналом позвать на помощь своих коллег.

В мгновение ока вокруг Сарранти образовалось непреодолимое кольцо. Двадцать дубинок поднялись над головами, и он, несомненно, моментально пал бы, как бык на бойне под молотами забойщиков скота, если бы вдруг не раздался чей-то голос:

– Живым! Брать только живым!

Полицейские немедленно узнали голос господина Жакаля и, зная, что на них смотрит начальник, набросились на господина Сарранти.

Образовалась ужасная свалка. Один человек какое-то мгновение отбивался от двадцати, потом упал на колени, а вскоре пропал из виду...

Увидев, что отец его упал, Доминик рванулся к нему на помощь, но в этот самый момент ревушая от ужаса толпа хлынула, как поток, вдоль по улице и разделила отца и сына.

Чтобы не быть унесенным людским потоком, монах ухватился за решетку дворца. Когда же толпа промчалась мимо, господина Сарранти и людей, с которыми он бился, уже не было...

Глава IX

Официальные газеты

Мы привели всего несколько сенок, которые разыгрывала полиция господина Делаво 30 марта благословенного года 1827.

Почему произошел этот скандал? В чем была причина этого странного надругательства над останками благородного герцога?

Это было известно каждому.

Правительство не могло простить господину де Ларошфуко-Лианкуру искренности его политических взглядов. Чтобы один из Ларошфуко принадлежал к оппозиции, да еще и голосовал с нею заодно!.. По правде говоря, это было оскорбление короля, и правительство просто обязано было наказать герцога за это.

Все забыли о том, что один из Ларошфуко был в XVII веке участником Фронды. И что он был уже наказан дважды: вначале ранен выстрелом из аркебузы в лицо, а потом поражен неверностью в сердце.

Правительство мало-помалу отняло у господина де Ларошфуко – современного, разумеется, – все неоплачиваемые должности и все функции, связанные с благотворительностью. Но, не удовлетворившись тем, что сумело досадить ему при жизни, оно захотело наказать его и после смерти, помешав признательной толпе засвидетельствовать любовь и уважение, которое внушил населению Парижа герцог во время своей продолжительной жизни, посвященной только двум предметам: состраданию и воспитанию.

Таким образом, толпа прекрасно знала, кто отдавал приказы, и справедливо или нет, но козлом отпущения политики правительства в 1827 году все называли господина де Корбьера.

В конце повествования мы увидим ужасающие сцены беспорядка, подавленные выступления народа, которые сама же полиция инспирировала в то время. А пока мы полагаем, что основных сцен этого дня вполне достаточно для того, чтобы дать читателю представление о той ужасной давке и кровавой потасовке, которые имели место во время похорон всеми уважаемого герцога.

Расскажем еще о причинах образования того потока из мужчин, женщин и детей, который разлучил Доминика и господина Сарранти, сына и отца.

В тот момент, когда буря возмущения достигла своего апогея, когда со всех сторон слышались призывы к убийству, вопли мужчин, визги женщин и плач детей, то есть в тот момент, когда солдаты с примкнутыми штыками, наступая на учеников из школы в Шалоне, хотели любым путем добраться до гроба, внезапно раздался протяжный крик, сопровождавшийся зловещим шумом. Эти крик и шум как по мановению волшебной палочки перекрыли и заставили смолкнуть все крики и стоны человеческого моря.

На мгновение наступила ужасающая своей неестественностью тишина. Можно было подумать, что изо всех грудей разом улетела жизнь.

Крик этот вылетел из окон, расположенных, словно театральные ложи, над сценой, где разыгралась драма.

Этот крик испустила толпа, увидевшая, как один из несших гроб молодых людей был ранен штыком. А этот услышанный всеми зловещий шум был глухим шумом падения гроба с останками герцога: солдаты тянули его в одну сторону, молодые люди – в другую, и в конце концов он тяжело упал на мостовую.

В то же мгновение словно молния ударила в толпу, и очевидцы этой ужасной сцены в испуге разом отпрянули в стороны, оставив в середине образовавшегося пустого пространства одних перепуганных молодых людей.

Это движение, неправильно истолкованное теми, кто услышал удар гроба о мостовую, но не понял его причины, и послужило причиной повального бегства людей во все стороны на прилегающие улицы и, в частности, на улицу Мондови.

Один из молодых людей остался лежать на мостовой рядом с гробом: он получил ранение штыком в бок. Приятели подхватили его под руки и потащили с собой.

При этом за ними на мостовой оставался кровавый след.

Хозяевами положения остались офицер, комиссар полиции и солдаты.

Как и предсказывал Сальватор, сила была на стороне правопорядка. Сам же Сальватор, оставаясь на прежнем месте, держал одной рукой Жюстена, а другой Жана Робера и говорил Петрюсу и Людовику:

– Если вам дорога жизнь, оставайтесь на месте!

Смущенные и угнетенные содеянным солдаты подошли к полуразбитому гробу и принялись собирать разбросанные по грязной мостовой перепачканные покрывала и знаки отличия покойного.

Мы уже сказали, что после этого первого крика, крика ужасного, крика пронзительного, крика предсмертного, заставившего часть толпы броситься в те стороны, где люди надеялись найти укрытие, наступила мертвая тишина, которая была гораздо более выразительной, чем все вопли.

Действительно, самые решительные протесты, выражение самого глубокого возмущения не смогли бы нести в себе больше горьких упреков, больше кровавых угроз, чем это уважительное отношение толпы к трупу, чем это молчаливое и тихое осуждение людей, надругавшихся над останками.

В наступившей абсолютной тишине человек в черном, спровоцировавший все это святотатство, комиссар полиции, бросился к гробу, заставил носильщиков подойти к гробу, приказав им поставить его на катафалк, и повелительным жестом повелел офицеру оказать при необходимости посильную помощь.

Но внезапно комиссар полиции и офицер смертельно побледнели и лица их покрылись холодным потом: они увидели, что из щели треснувшего в нескольких местах гроба к ним протянулась, словно предупреждение из могилы, высохшая рука покойника, которая, казалось, отделилась от тела и готова была упасть на мостовую.

Скажем сразу же тем, кто попытается обвинить нас в попытке испугать читателя, что в результате расследования, произведенного по поводу этого скандального события, было установлено, что, когда гроб с телом герцога де Ларошфуко был доставлен в Лианкур, место захоронения семьи Ларошфуко, потребовалось провести часть ночи, предшествующей преданию тела земле, в работах не только по ремонту гроба, который, как мы уже сказали, был наполовину разбит, *но и по восстановлению в их нормальном положении конечностей, которые отделились от тела.*²

Сразу же поспешим добавить, чтобы больше не возвращаться к этой печальной теме, что народное возмущение выразилось только криками, пролетевшими из конца в конец Франции.

Все газеты, не подчиненные правительству, описали эту ужасную сцену с гневом и возмущением, которые только и заслуживала эта гнусная профанация.

Обе палаты тоже не остались в стороне. Особенно палата пэров. Поскольку речь шла об одном из ее членов, палата не ограничилась лишь тем, что яростно осудила это надругательство над человеком, единственным преступлением которого было то, что он проголосовал против правительства: палата поручила своему великому референдарии провести расследование этого факта, а когда этот высокопоставленный человек докладывал палате результаты своего расследования, он обвинил во всеуслышание полицию в том, что именно она сознательно

² Аишль де Волабель. История двух Реставраций. Том VI, глава VII.

спровоцировала этот скандал. Скандал тем более постыдный, что многочисленные прецеденты вполне оправдывали способ перенесения гроба на плечах и что до этого много раз, в частности на похоронах Делиля, Беклара и господина Эммери, наставника семинарии в Сен-Сюльписе, полиция разрешала нести останки их друзьям и ученикам. Помимо всего прочего, гроб с телом господина Эммери учащиеся его семинарии пронесли на руках до самого кладбища в Исси.

Господин де Корбьер выслушал все эти упреки и воспринял их со свойственным ему холодным высокомерием, которое иногда вызывало у палаты в отношении него бурю возмущения. Он не только не нашел нужным произнести хотя бы слово осуждения в адрес полицейского, надругавшегося над останками достойного человека, над которым правительство глумилось при его жизни, но, поднявшись на трибуну, заявил:

– Если бы ораторы, выступления которых мы здесь слышали, ограничились тем, что выразили свои оскорбленные чувства, я бы уважил их боль и сохранил бы молчание. Но здесь была высказана критика в адрес правительства!.. Поведение префекта полиции и его подчиненных было таким, как и положено. Действуя иначе, они нарушили бы свой долг и заслужили бы мое самое суровое порицание!

Палата поблагодарила своего великого референдаря за отчет и решила дожидаться окончания начатого судебного расследования. Расследование это, естественно, вскоре завершилось успешно, но безрезультатно.

Газеты оппозиции и независимые издания выразили на следующий день на своих первых страницах возмущение, которым было охвачено население, а правительственная пресса опубликовала доклад, представленный явно правительством или же префектурой полиции. Будучи опубликованным в трех различных газетах, он мало чем отличался по форме и по содержанию.

Вот приблизительное содержание этого доклада, целью которого было переложить всю ответственность за произошедшее накануне на *бонапартистов*:

«Гидра анархии снова поднимает голову, хотя все считали, что она была навсегда отсечена. Пламя революции, которое все считали погасшим, снова вспыхнуло из пепла и стучится в наши двери. Революция приближается с оружием в руках незаметно и тихо, монархии вновь придется столкнуться лицом к лицу со своим заклятым врагом.

Будьте бдительны, верные слуги Его Величества! Вставайте, преданные сторонники монархии! Алтарь, трон, вера и король в опасности!

Произошедшие вчера достойные сожаления события привели к насилию. Были слышны угрозы, призывы к мятежу и убийству.

К счастью, префект полиции за двадцать четыре часа до этого уже держал в своих руках основные нити заговора. Благодаря усердию и рвению этого умелого руководителя заговор был сорван, и префект полиции надеется, что сумеет утихомирить бурю, которая снова угрожала потопить государственный корабль.

Главарь этого широко раскинувшего свои щупальца заговора арестован. Он находится сейчас в руках правосудия, и друзья правопорядка, преданные подданные короля, узнают цену этого ареста, когда мы сообщим им о том, что главарем заговора, имевшего целью свержение короля и возведение на престол герцога Рейштадского, является не кто иной, как знаменитый корсиканец Сарранти, недавно возвратившийся из Индии, где и родился этот заговор.

Дрожь охватывает при мысли о том, в какой опасности были правительство и Его Величество. Но возмущение немедленно уступает место ужасу, и лишний раз убеждаешься, как следует относиться к людям, которые преданно служили узурпатору, а теперь служат его сыну, когда становится известно, что этот самый Сарранти, несколько дней скрывавшийся в Париже, семь лет тому назад бежал из столицы, избегая ареста по обвинению в совершении грабежа и убийства.

Все, кто в те времена читал газеты, помнят, возможно, что в деревушке Вири-сюр-Орж в 1820 году произошло ужасное преступление. Один из самых уважаемых людей кантона, вер-

нувшись вечером к себе домой, увидел, что его денежный сейф взломан, гувернантка убита, два юных племянника похищены, а воспитатель детей исчез.

Этим воспитателем был не кто иной, как господин Сарранти.

Следствие по этому делу уже начато».

Глава X Родство душ

Выразительный взгляд, брошенный господином Сарранти на аббата Доминика, и те несколько фраз, которые были произнесены им во время ареста, потребовали от бедного монаха полной выдержки, крайней скрытности.

Будучи разлученным с отцом, Доминик помчался вверх, по улице Риволи. Там он встретил группу возбужденных и разгоряченных людей и понял, что ядром этой группы, быстро двигавшейся в направлении Тюильри, был господин Сарранти. Поэтому Доминик последовал за полицейскими, но следил за ними осторожно и издали из-за своего одеяния, заметного с первого взгляда.

Действительно, в то время Доминик был, возможно, единственным в Париже монахом-доминиканцем.

На углу улицы Сент-Никез группа остановилась, и Доминик, дошедший до угла площади Пирамид, увидел, как тот, кто, казалось, был начальником полицейских, подозвал фиакр и, когда он подъехал, велел усадить туда господина Сарранти.

Доминик проследовал за фиакром через площадь Каррусель так быстро, насколько позволяли ему одеяния, и оказался у набережной Тюильри, когда фиакр заворачивал на Новый мост.

Было ясно, что фиакр направляется в префектуру полиции.

Увидев, что фиакр скрылся за углом набережной Люнетт, аббат Доминик почувствовал, как вся кровь в его венах прихлынула к сердцу, а в голове у него стали роиться тысячи самых страшных мыслей.

К себе он вернулся полностью уничтоженным, уставшим телом и с разбитым сердцем.

Два дня и две ночи, проведенные в дилижансе, все волнения и тревоги, пережитые за прошедший день, сомнения в причинах ареста отца – всего этого было вполне достаточно для того, чтобы сломать человека более крепкого телом, надломить душу более стойкую.

Когда он вошел в свою комнату, на дворе уже стояла ночь. Не имея ни сил, ни желания есть, он упал на кровать и попытался немного отдохнуть. Но на него нахлынули видения, тысячи призраков вились над головой, и спустя четверть часа он снова был на ногах, шагая из угла в угол по комнате, словно для того, чтобы заснуть, ему надо было истратить остаток сил, или скорее унять сжигающую его лихорадку.

Беспокойство заставило его выйти на улицу. Было темно, его одежда казалась уже не столь заметной в темноте и не привлекала к нему всеобщего внимания. Он направился к префектуре полиции, которая поглотила, как ему виделось, его отца. Она представлялась ему пропастью, куда прыгнул пловец Шиллера и откуда, подобно этому пловцу, люди выходили испуганными видениями обитавших там чудовищ.

Однако войти туда он не посмел. Ведь если бы узнали, что Сарранти его отец, явка туда была бы равносильна разоблачению.

Разве господина Сарранти арестовали не как Дюбрея? Не лучше ли оставить за ним право использовать это вымышленное имя, которое никак не указывало на то, что под ним скрывается опасный и упорный заговорщик?

Доминик еще не знал причины возвращения отца во Францию, но смутно догадывался о том, что побудило его на возвращение дело всей его жизни: возведение на престол императора или, поскольку император умер, герцога Рейштадского.

Два часа кряду сын бродил, как тень, вокруг этой темницы отца, шагая от улицы Дофина до площади Арле и от набережной Люнетт до площади перед Дворцом Правосудия, не имея ни малейшей надежды снова увидеться с тем, кого он искал, поскольку только чудом он смог

бы увидеть, как отца перевозили бы из префектуры в какую-нибудь тюрьму. Но чудо это мог сотворить только Господь Бог, и добрый, и простой Доминик бессознательно молил Бога об этом чуде.

Но на сей раз надеждам его не суждено было сбыться. В полночь он вернулся домой, лег на постель, закрыл глаза и, обессиленный, заснул.

Но едва он заснул, на него напали самые страшные сновидения. Ему пригрезились кошмары в виде гигантской летучей мыши, которая всю ночь парила над его головой. Когда наступил рассвет, Доминик проснулся. Но сон, вместо того, чтобы восстановить его силы, только увеличил усталость. Доминик встал, пытаясь спросонья вспомнить о ночных видениях. Ему показалось, что среди этого хаоса бури он заметил, как пролетел светлый и чистый ангел.

Ему привиделось, как к нему подошел юноша с нежным и кротким лицом, протянул руку и на незнакомом языке, который все же был понятен, сказал: «Положись на меня, я помогу тебе».

Лицо этого юноши казалось Доминику знакомым, но он никак не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах он видел его. Был ли этот юноша реальностью или только одним из неясных воспоминаний нашей предыдущей жизни, которые иногда мелькают в нашем мозгу с быстротой мысли? Не был ли он воплощением надежды, мечтой проснувшегося человека?

Доминик, стараясь увидеть хотя бы что-нибудь в темных закоулках своего мозга, задумчиво уселся у окна на тот же стул, на котором он сидел накануне, любясь картиной «Святой Гиацинт», ныне отсутствовавшей в комнате. И тут ему на память пришли воспоминания о Кармелите и Коломбане, а, вспомнив об этих своих друзьях, он вспомнил и о Сальваторе.

Именно Сальватор был тем ангелом в ночи, именно этот прекрасный юноша с нежным и кротким лицом стоял у его изголовья и прогнал прочь от его кровати тучи отчаяния.

И тогда перед его глазами встала вся та душераздирающая сцена, в которой появился Сальватор. Он снова увидел себя сидящим в павильоне Коломбана в Ба-Медоне, тихо произносящим молитвы о мертвых, вознеся к небу глаза, полные слез.

Вдруг в комнату, где находился покойник, вошли, склонив обнаженные головы, двое юношей: это были Жан Робер и Сальватор.

Увидев Доминика, Сальватор испустил нечто вроде радостного восклицания, внутренний смысл которого он так бы и не понял, если бы Сальватор, подойдя поближе, не произнес голосом одновременно твердым и взволнованным: «Отец мой, вы сами, не подозревая того, спасли жизнь человеку, который стоит перед вами. И человек этот, которого вы больше ни разу не видели, ни разу не встретили, испытывает к вам глубокую признательность... Не знаю, смогу ли я когда-нибудь вам понадобиться, но я клянусь самым святым, что есть на свете, клянусь над телом этого благородного человека, только что испутившего последний вздох, клянусь собой, в том, что моя жизнь принадлежит всецело вам». Тогда Доминик ответил: «Я принимаю вашу клятву, мсье, хотя и не знаю, когда и каким образом я сумел оказать вам услугу, о которой вы говорите. Но все люди – братья и приходим мы на свет Божий для того, чтобы помогать друг другу. Поэтому, брат мой, когда вы мне понадобитесь, я приду к вам за помощью. Скажите мне ваше имя и где я могу вас найти?»

Мы помним, что Сальватор подошел к конторке Коломбана, написал на листке свое имя и адрес и протянул бумагу монаху, который свернул записку и положил ее в свой часослов.

Доминик живо пошел в библиотеку, взял со второй полки нужную книгу, открыл ее и нашел бумажку на той же самой странице, куда он ее и положил.

И тогда, словно бы все это происходило сегодня, он вспомнил одежду, голос, черты лица, мельчайшие подробности своей встречи с Сальватором и признал в нем того самого юношу с нежным лицом и ласковой улыбкой, которого он видел во сне.

– Значит, – произнес он, – колебаться не приходится, это – знамение небес. Этот юноша, как мне показалось, находится, уж не знаю почему, в хороших отношениях с одним из высших

чинов полиции, с тем самым, с которым он, как я видел вчера, разговаривал у церкви Вознесения. Через этого полицейского он, возможно, сможет узнать причину ареста отца. Нельзя терять ни минуты, надо бежать к мсье Сальватору!

Он быстро привел в порядок свои монашеские одеяния.

Когда он уже собрался уходить, в комнату вошла консьержка, держа в одной руке чашку молока, а в другой газету. Но у Доминика не было времени на то, чтобы читать газету и завтракать. Поэтому он велел консьержке поставить чашку и положить газету на подоконник, рассчитывая, что вернется через час-другой, и сказав ей, что ему надо срочно на время уйти.

Потом он стремительно сбежал по лестнице и через десять минут уже был на улице Макон перед домом, где проживал Сальватор.

И стал безрезультатно искать молоток или звонок.

Дверь открывалась днем при помощи цепочки, которая поднимала задвижку. На ночь цепочка убиралась и дверь оставалась закрытой.

То ли потому, что никто еще из дома не выходил, то ли потому, что цепочка случайно слетела, открыть дверь не представлялось никакой возможности.

Поэтому Доминику пришлось стучать сначала кулаком, потом подобранным неподалеку камнем.

Ему пришлось бы стучать так бесконечно долго, если бы голос Роланда не предупредил Сальватора и Фраголу о том, что к ним пришел с визитом неожиданный гость.

Фрагола насторожилась.

– Это друг, – сказал Сальватор.

– А ты откуда узнал?

– Слышишь, как весело и ласково лает собака? Открой окно, Фрагола, и увидишь, что это – друг.

Фрагола открыла окно и узнала аббата Доминика, которого видела в день смерти Коломбана.

– Это монах, – сказала она.

– Какой монах?.. Аббат Доминик?

– Да.

– О! Я ведь говорил тебе, что это друг!.. – воскликнул Сальватор.

И он быстро спустился по ступенькам вслед за Роландом, который бросился вниз, едва открылась дверь.

Глава XI

Бесполезная информация

Сальватор нежным и уважительным жестом протянул навстречу аббату Доминику обе руки.

– Это вы, отец мой! – воскликнул он.

– Да, – серьезным тоном ответил монах.

– О! Добро пожаловать, проходите, пожалуйста!

– Вы, значит, меня узнаете?

– Разве не вы мой спаситель?

– Вы мне уже это говорили, и при слишком печальных обстоятельствах, чтобы я стал вам об этом напоминать.

– Я вам это снова повторяю.

– А помните, что вы при этом еще сказали?

– Что если я когда-либо вам понадобится, вы можете рассчитывать на мою помощь.

– Видите, я не забыл ваших слов. И теперь пришел к вам именно потому, что нуждаюсь в вашей помощи.

Говоря все это, они вошли в ту маленькую столовую, которая была украшена античным рисунком из Помпеи.

Юноша предложил монаху стул и, жестом отогнав Роланда, обнюхивавшего одежду аббата Доминика, словно старавшегося выяснить для себя, при каких же обстоятельствах они встречались, сел рядом. Роланд, которому хозяин не разрешил принимать участие в разговоре, забился под стол.

– Слушаю вас, отец мой, – сказал Сальватор.

Монах положил свою тонкую белую ладонь на руку Сальватора. Несмотря на бледность, ладонь его была горячей.

– Человек, к которому я испытываю глубокую привязанность, – сказал аббат Доминик, – только вчера приехал в Париж и был арестован вчера, когда находился рядом со мной на улице Сент-Оноре, около церкви Вознесения. А я не смог помочь ему, поскольку мне помешала вот эта одежда.

Сальватор кивнул.

– Я видел его, отец мой, – сказал он. – И должен воздать ему должное: он упорно защищался.

Аббат вздрогнул, вспомнив вчерашнюю сцену.

– Да, – сказал он, – и боюсь, как бы эта самооборона не была поставлена ему в вину.

– Значит, – продолжал Сальватор, пристально взглянув на монаха, – вы знакомы с этим человеком?

– О, я ведь вам уже сказал, что питаю к нему глубокую привязанность.

– И в каком же преступлении его обвиняют? – спросил Сальватор.

– Вот этого-то я и не знаю. И именно это мне и хотелось бы узнать. Поэтому я и прошу вас оказать мне услугу и помочь мне узнать причину его ареста.

– И это все, чего вы желаете, отец мой?

– Да. Я видел, как вы приехали в Ба-Медон в сопровождении человека, который показался мне одним из высших чинов полиции. Вчера я снова видел, как вы разговаривали с этим же человеком. Вот я и подумал, что через него вы, может быть, сможете узнать, в каком преступлении обвиняется мой... мой друг.

– Как зовут вашего друга, отец мой?

– Дюбрей.

– Чем он занимается?

– Он бывший военный и живет, полагаю, на свои доходы.

– Откуда он приехал?

– Из дальних стран... Из Азии...

– Значит, он путешественник?

– Да, – ответил аббат, грустно покачав головой. – А разве все мы в этом мире не путешественники?

– Сейчас я надену плащ, отец мой, и пойду с вами. Я вас не задержу, поскольку грустное выражение вашего лица подсказывает мне, что вы находитесь во власти сильного волнения.

– Да, очень сильного, – ответил монах.

Сальватор, на котором была надета блуза, вышел в соседнюю комнату и скоро появился в плаще.

– Я в вашем полном распоряжении, отец мой, – сказал он.

Аббат живо поднялся, и они спустились вниз.

Роланд поднял голову и проводил их умным взглядом до двери. Увидев, что дверь за ними закрылась, а в нем, вероятно, не нуждаются, поскольку знака следовать за ним хозяин не подал, пес снова положил голову на передние лапы и тяжело вздохнул.

Подойдя к двери, Доминик остановился.

– Куда мы идем? – спросил он.

– В префектуру полиции.

– Прошу вашего разрешения взять фиакр, – сказал монах. – Мои одеяния очень приметны, и у моего друга могут быть неприятности, если узнают, что я им интересуюсь. Поэтому, полагаю, эта предосторожность будет не лишней.

– Я и сам собирался предложить вам это, – сказал Сальватор.

Молодые люди подозвали фиакр и сказали, куда ехать. Сальватор вышел из фиакра сразу же, как они проехали мост Сен-Мишель.

– Я буду ждать вас на углу набережной и площади Сен-Жермен-л'Оксерруа, – сказал монах.

Сальватор кивнул в знак согласия. Фиакр покатил дальше по улице Барильери, а Сальватор направился в сторону набережной Орфевр.

В префектуре господина Жакаля не было. Произошедшие накануне события взволновали Париж. Поэтому полиция опасалась, или, точнее, ждала, что на улицах будут происходить манифестации. Все полицейские во главе с господином Жакалем были в городе, а дежурный не знал, в котором часу вернется господин Жакаль.

Поэтому ждать его в префектуре не имело никакого смысла: лучше было отправиться на его поиски.

Глубокое знание характера господина Жакаля и инстинкт заговорщика подсказали Сальватору, где можно найти префекта полиции.

Он вышел на набережную, свернул направо и поднялся на Новый мост.

Не успел он сделать по мосту и десятка шагов, как его догнала какая-то карета. Услышав призывный стук по стеклу окошка, он остановился.

Карета тоже остановилась.

Открылась дверца.

– Садитесь! – послышался чей-то голос.

Сальватор уже собрался было отказаться, сославшись на то, что ему надо было встретиться с ожидавшим его другом, но тут он узнал человека, который приглашал его сесть в карету: это был генерал Лафайет.

И Сальватор без колебаний сел рядом.

Карета снова тронулась, но очень медленно.

– Вы – мсье Сальватор, не так ли? – спросил генерал.

– Да. И я дважды счастлив, генерал, что нахожусь рядом с вами, представителем Верховной венты.

– Это так. Я узнал вас, вот почему и остановился. Вы ведь глава ложи, не так ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.